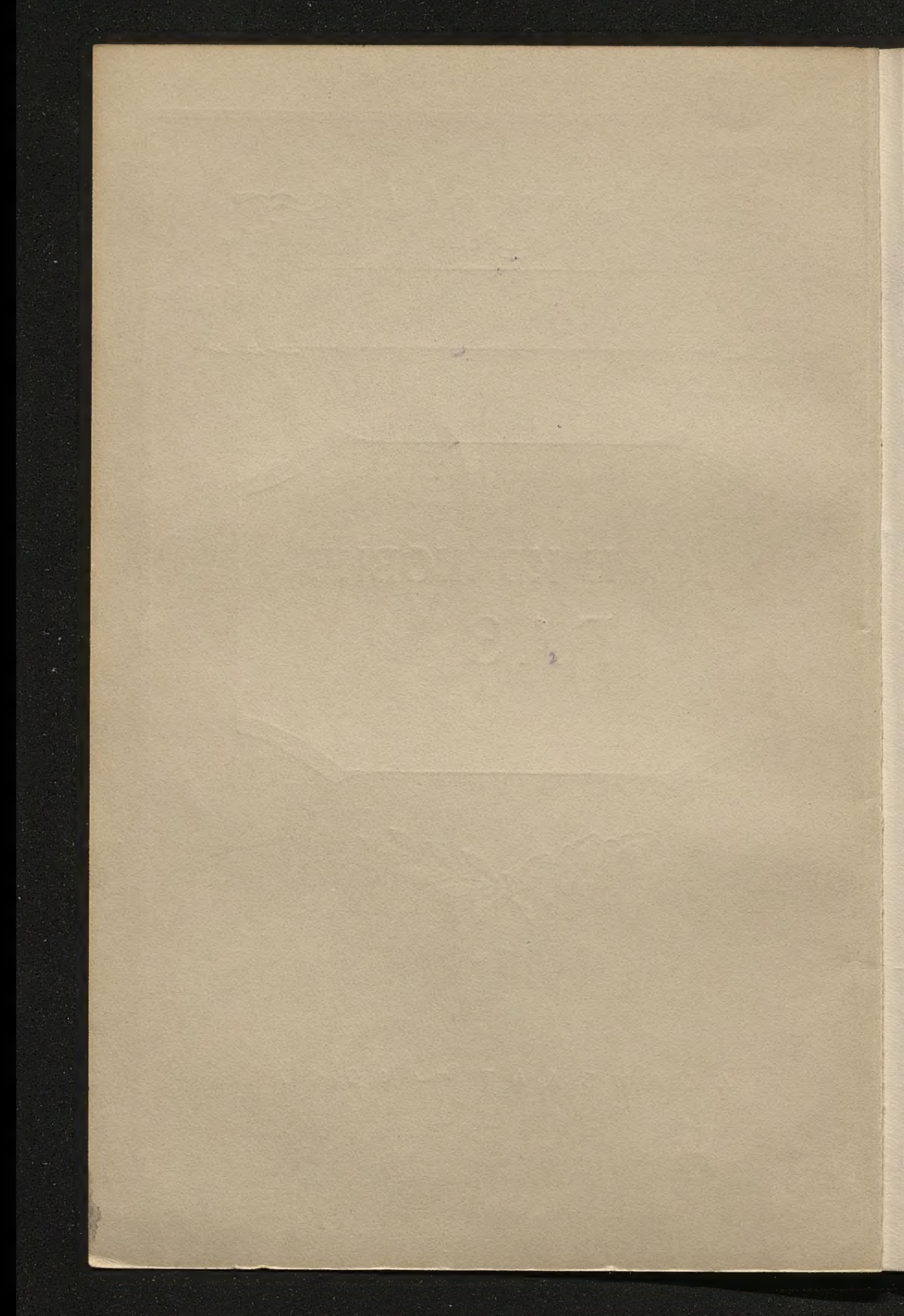

ИВАН ИВАНОВИЧ ГАЗА

ЛЕНИЗДАТ ~ 1947

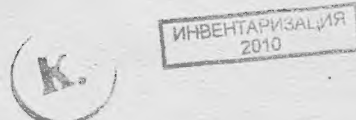

И. И. Газа

М. МИТЕЛЬМАН

ИВАН ИВАНОВИЧ
ГАЗА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ
И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Обложка художника П. Н. Бусырева

Редактор И. А. Осипов. Техн. редактор Н. И. Родченко. Подписано к печати 30/V-47 г. Формат бум. 80 × 108 1/32. Печ. л. 4 1/2 Уч.-изд. л. 3,7. Тип. зн. в печ. л. 32 800. Тираж 5.000 экз. Изд. № 166. Заказ № 2396. М-04552

Тип. им. Володарского Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

СЫН НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ

К юго-западу от центра столицы — С.-Петербурга — вдоль Петергофского шоссе расположилась Нарвская застава — крупнейшая рабочая окраина царского Петербурга. Здесь, в дыму и копоти заводских труб, в низких, грязных домишках жили поколения металлистов, ткачей и прядильщиков. С детских лет нужда безжалостно бросала их на фабрики и заводы. Одни, надрываясь, работали до старости, до последнего дыхания; другие, не успев состариться, погибали в молодых годах от увечий, чахотки и других последствий тяжелой, иссушающей работы. Одни тянули свою лямку безропотно, другие подымались на борьбу против капиталистов — хозяев, бастовали, предъявляли требования об улучшении условий труда. Год от года волнения рабочих становились все более частыми. Появлялись рабочие революционные группы. Царская полиция громила их, арестовывала революционеров, но рабочее движение ширилось.

К девяностым годам прошлого столетия Нарвская застава превратилась в крупнейший очаг рабочего движения в Петербурге. В 1895 году здесь создались первые кружки ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Отсюда в конце 1904 года покатилась волна рабочего движения, приведшая к огромным событиям января 1905 года.

Иван Газа, сын слесаря Путиловского завода и ткачихи Нарвской бумагопрядильни, родился 5 января 1894 года. Он принадлежал к тому поколению рабочих, которое росло и формировалось в иное время, чем их

отцы и деды. Тишина старого заставского быта была уже нарушена громом рабочих забастовок. Рабочее движение приобретало все больший размах, становилось все более организованным, захватывая и преобразуя всю жизнь рабочих окраин. Поколение молодежи, к которому принадлежал Иван Газа, с детских лет впитывало в себя новый дух заставы — дух пролетарской борьбы. Первые яркие впечатления этой молодежи были отмечены событиями массового революционного подъема девятисотых годов и, в особенности, событиями первой русской революции.

Одиннадцатилетним пареньком Ваня Газа впервые услышал выстрелы из настоящих ружей. Видел ужас, который охватил многотысячную толпу празднично одетых и торжественно шествовавших рабочих, встреченных выстрелами царских палачей по дороге к Зимнему дворцу. Слышал душу раздирающие крики и стоны из лачуг, где над убитыми 9 января 1905 года рыдали женщины и дети. Видел, как после жестокого побоища городовые лопатами сгребали окровавленный снег, сваливали его в бочки и увозили.

После расстрела безоружных рабочих наступили необычайные дни. На улицах появились рабочие демонстрации со знаменами. С центральной улицы Нарвской заставы как ветром снесло всех городовых, без которых узкое Петергофское шоссе стало широким и свободным. Вместе с другими мальчуганами Ваня Газа бежал впереди рабочих демонстраций, подхватывал волнующие слова «Марсельезы» и вызывающе, на мотив «Было дело под Полтавой», распевал знаменитую в тот год песню про царя:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпиков,
Царь-изменник, провокатор,
Содержатель кабаков,
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, забрызганный в крови!

Целые дни проводил Ваня Газа на улицах революционной окраины, среди взволнованных толп рабочих.

В 1905 году Ваня Газа на практике узнал и запомнил навеки, что такое локаут. Локаут это десятки детских гробиков, впавшие глаза, изможденные люди, закрытая потребиловка, голод, выселение из квартир. Ваня старался понять, почему случился локаут. Он спрашивал у взрослых, у отца. И в его детской душе накапливались ненависть и злоба против богатеев, заставлявших рабочих переживать тяжелые мучения и нужду.

Но еще бо́льшие ужасы пришлось увидеть Ване Газа после поражения революции. Аресты, расстрелы и истязания рабочих увеличились в это время во много раз. Снова, как до 1905 года, на перекрестках торчали наглые городовые. Полицейские врывались в рабочие квартиры, разбивали скудную обстановку, вспарывали подушки и одежду, ища прокламаций. Не раз Ваня провожал заставских рабочих, когда их вели в тюрьму за то, что они добивались лучшей жизни.

В 1909 году пятнадцати лет Ваня Газа окончил Путиловское ремесленное училище и поступил слесарем в новомеханическую мастерскую Путиловского завода. Там, в гуще рабочей жизни, он узнал еще больше нового. Пытливый и любознательный, он прислушивался к разговорам старших рабочих. Он слыхал о тайных типографиях, о социал-демократах — большевиках и даже читал их листовки. Ваня Газа стал посещать рабочее культурно-просветительное общество «Образование», слушал там лекции. Бывал в отделении профессионального союза рабочих по обработке металла, хотя не мог вступить в члены союза, как не достигший уставного возраста — 18 лет. Всюду видел он, что люди, не страшась ни тюрьмы, ни каторги, действуют. Как губка впитывал в себя юноша Газа стойкость и мужество рабочих, не сдававшихся в эти тяжелые и черные годы реакции и полицейского произвола.

Первая забастовка, в которой пришлось участвовать Ивану Газа, произошла в феврале 1912 года. Причиной забастовки было введение заводской администрацией новых правил прихода на работу. Это новшество заводчиков удлиняло рабочий день для всех мастерских.

О том, что на попытку господ-хозяев надо ответить протестом и забастовкой, Иван Газа узнал из большевистской газеты «Звезда». К этому времени он уже стал активным читателем и распространителем «Звезды» и в цеху был связан со старшими товарищами — большевиками. Большевистская организация всегда внимательно следила за молодежью. Самых энергичных, смелых и ловких из них большевики привлекали к своей работе: поручали разбрасывать прокламации, собирать деньги на «Звезду», распространять газету и держать связь с другими мастерскими. Иван Газа, вокруг которого группировалась активная молодежь цеха, привлек к себе внимание большевиков. Постепенно он стал деятельным помощником цеховой партийной организации.

Утром в день забастовки Иван Газа, во главе группы молодых путиловцев, обошел все отделения мастерской. В его задачу входило разузнать о настроениях рабочих и подготовить их к одновременному выходу из цеха. А когда был подан сигнал прекратить работу, вся мастерская, как один человек, вышла на заводский двор и присоединилась к другим цехам.

С этого времени Иван Газа стал деятельным участником всех заводских и цеховых забастовок и митингов. 12 апреля 1912 года, в день, когда путиловцы выступили с мощной стачкой протеста против ленского расстрела, Газа получил задание: остановить мастерскую. Вместе со своими товарищами он быстро выполнил эту директиву большевиков. Затем ему поручили обеспечить охрану цехового митинга. Газа и с этим заданием хорошо справился.

Через три дня Газа впервые участвовал в демонстрации. Дело происходило на Невском проспекте, у Казанского собора, где петербургские рабочие вместе со студенческой молодежью протестовали против ленского расстрела. В эти боевые дни революционного подъема Ваня Газа был в гуще заводских событий. Тогда уже впервые ярко проявились в нем впоследствии расцветшие качества организатора-массовика.

Эти качества молодого Газа были замечены большевиками. Накануне 1 мая 1912 года ему поручили

организовать из молодежи боевую и бдительную охрану массовки — собрания представителей всех мастерских. Полицейские власти принимали все меры, чтобы не допустить сходок и демонстраций. По Петергофскому шоссе круглые сутки разъезжали казаки, в лесах вокруг завода дежурила полиция, по заставе шныряли шпики, выслеживая, где соберется рабочая сходка.

Большевистская массовка собралась под покровом темной ночи в глубине Поташева леса. Иван Газа с товарищами дежурил у самого места сбора, захватив с собой ракеты. В случае опасности они должны были пустить ракеты в воздух. Массовка прошла благополучно. Иван Газа с неизрасходованными ракетами ушел последним.

Маевка 1912 года прошла с небывалым подъемом. Все рабочие дневной смены Путиловского завода, и среди них слесарь Иван Газа, мощной демонстрацией прошли Петергофское шоссе, затем, пробиваясь через полицейские заграждения, вышли на Невский проспект и до поздней ночи, многократно разгоняемые и преследуемые, демонстрировали в центре столицы.

Вслед за первомайским днем на Путиловском заводе высоко поднялась стачечная волна. В течение двух с половиной лет нового революционного подъема (с 1912 года по июль 1914 года) по заводу прокатилось свыше ста экономических и политических стачек — частичных и общезаводских.

Стачечная борьба выковывала в молодых путиловцах необычайное упорство и выдержку, формировала из них сознательных и мужественных бойцов. Только в 1913 году Иван Газа бастовал девять раз.

Всего за два с половиной года Иван Газа принимал участие более чем в тридцати забастовках. В некоторых случаях он выступал в цеху как организатор стачек. Это снискало ему в кругах цехового начальства славу бунтаря-забастовщика, с которым следовало при случае рассчитаться. В конце 1913 года, когда Газа организовал стачку слесарей-сборщиков, цеховая администрация тотчас же уволила его с завода.

Иван Газа поступил на небольшой заводик, тут же за Нарвской заставой. Но рабочие не захотели прими-

риться с увольнением своего товарища. Они предъявили администрации требование — вернуть Газа на завод. Начальство ответило отказом. Тогда рабочие новомеханической забастовали, заявив, что не приступят к работе до тех пор, пока Газа не будет принят обратно. Администрация, испуганная настойчивостью рабочих, вынуждена была удовлетворить это требование. Газа вернулся в цех, на собственном примере почувствовав великую силу рабочей солидарности.

В начале 1914 года Иван Газа перешел работать во вновь построенную башенную мастерскую. Центром политической жизни в башенной была «галерка» — слесарное отделение, помещавшееся наверху, на открытых площадках, пристроенных к железным колоннам здания. На «галерке» сосредоточились исключительно квалифицированные рабочие. Там собрались большевистские силы, руководившие всем рабочим коллективом мастерской. Были на «галерке» и меньшевики и эсеры.

Здесь, на «галерке», часто разгорались острые дискуссии по злободневным вопросам рабочего движения. Газа научился различать революционеров дела от революционеров фразы, настоящих защитников интересов рабочих от предателей, прикрывавшихся словами о любви к рабочему классу. Частенько Газа приходил к разметчику Георгию Шкапину, о котором знал, что он занимает видное положение среди заводских «правдистов» — сторонников «Правды»; вел долгие разговоры с Дмитрием Романовым, членом подпольного комитета районной организации большевиков.

У себя на «галерке» Иван Газа постепенно стал втягиваться в споры по принципиальным вопросам. Он разоблачал меньшевиков за приспособление к царскому режиму, громил их за политическую трусость и измену рабочему делу.

Так постепенно молодой путиловский слесарь под влиянием большевиков становился настоящим «правдистом» — передовым пролетарием, не только откликающимся на призывы к массовой политической стачке, но и ведущим борьбу против главных в то время врагов внутри рабочего движения — ликвидаторов.

* * *

В июле 1914 года разразилась первая мировая империалистическая война. Единственной партией, оставшейся верной знамени революционного интернационализма и открыто выступившей против грабительской войни, затеянной капиталистами всех стран, была партия большевиков.

Большевистская организация Путиловского завода в первые же дни войны развернула работу по разъяснению рабочим причин и целей войны; большую помощь в этом деле оказывал Иван Газа. Он был представителем рабочей молодежи, которая сразу же резко выступила против империалистической войны. Но условия для революционной работы теперь стали особенно трудными. На рабочий класс обрушился град репрессий — были разгромлены рабочие организации, закрыты профессиональные союзы. На Путиловском заводе десятки передовых рабочих, в том числе Георгий Шкапин, с которым Газа был непосредственно связан, были арестованы. Другой большевик, постоянно руководивший молодежью, Дмитрий Романов вынужден был уйти из башенной мастерской. Многих большевиков отправили в солдаты, некоторых арестовали и выслали из Петрограда. Но Иван Газа не потерял связи с организацией. Он познакомился с большевиком Иваном Егоровым и под его руководством продолжал агитацию. На «галерке», внизу или в рабочей толпе у ворот завода он ввязывался в разговоры о военных действиях, о поражениях на фронте, о положении рабочих. В первый же год войны перед всеми стала ясной картина полного разложения и гнилости царского режима. Во всем уже сказывались тяготы и ужасы войны. В Петрограде стало исчезать продовольствие, росла дороговизна, резко ухудшались условия труда. Снова начались волнения, стачки и демонстрации; рабочий класс день ото дня все более резко выступал против империалистической войны.

Верные лакеи буржуазии — меньшевики — пытались совлечь рабочих с пути революционной борьбы, подчинить их влиянию империалистической буржуазии. Они приняли деятельное участие в создании так называе-

мых «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах, обслуживавших войну.

Партия большевиков решительно выступила против предательской затеи меньшевиков, призывая рабочих к бойкоту военно-промышленных комитетов. Выборы уполномоченных от рабочих большевики использовали в агитационных целях, чтобы разоблачить перед рабочими истинные цели военно-промышленных комитетов и их «рабочих групп».

Повсюду в путиловских мастерских рабочие поддержали большевиков. Путиловцы выносили резолюции о недопустимости участия рабочих в буржуазных комитетах, имеющих своей целью поддержку грабительской войны. В башенной мастерской в числе выступавших против военно-промышленных комитетов был и Иван Газа.

На заводском собрании уполномоченных был принят большевистский наказ. На общегородском съезде выборщиков также победили большевики. Затея меньшевиков была сорвана и разоблачена.

Как-то в эти дни в башенную мастерскую пришел Егоров и пригласил Ивана Газа зайти в больничную кассу. После работы, запершись в отдельной комнате, Егоров рассказал Газа о доносе царской полиции, который совершили меньшевики. Он показал Газа газетку «День», в которой меньшевики выдавали охранке большевиков, разоблачивших и сорвавших выборы в военно-промышленные комитеты.

— Нужно рассказать рабочим о провокации меньшевиков, — сказал Егоров, — и в этом ты нам можешь помочь. Необходимо отпечатать прокламации. Есть шрифт, есть люди, умеющие печатать. Нет рамки, валика и наборной кассы. Ты — слесарь. Завтра сооруди рамку для укрепления набора. Валик и наборную кассу сделают другие. Прокламации должны быть напечатаны завтра во что бы то ни стало.

Егоров набросал рисунок рамки. На другой день Газа привлек к изготовлению рамки своих товарищей (не говоря им для чего она нужна). Задание организации было выполнено. Газа вынес рамку из завода и передал ее Егорову. А на следующий день свыше

трех тысяч листовок Петербургского комитета большевиков было распространено по заводам столицы.

Все ближе и ближе подходил Иван Газа к работе подпольной большевистской организации. Егоров давал ему читать приходившую из-за границы большевистскую газету «Социал-демократ», разъяснял ленинский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Егоров чувствовал, что из этого энергичного юноши может выработаться крепкий большевик-организатор, и всегда, при расчетах на башенную мастерскую, прежде всего имел в виду Ивана Газа. Когда в начале февраля 1916 года Егоров поднял стачку электриков, он поручил Газа организовать рабочих башенной на поддержку забастовавшим электрикам.

Башенная мастерская остановилась. Вслед за ней одна за другой прекратили работу остальные мастерские завода. В два дня частичная экономическая стачка электриков превратилась в общезаводскую политическую забастовку.

В ответ на стачку путиловцев главнокомандующий Петроградским военным округом объявил, что, в случае если рабочие не выйдут на работу, они будут рассчитаны, взяты в солдаты и уже в качестве солдат снова поставлены к станкам. Заводоуправление объявило путиловцам локаут.

Эта угроза милитаризацией возмутила весь петроградский пролетариат. В знак протеста забастовала Выборгская сторона и другие рабочие районы. Правительство обрушилось на путиловцев репрессиями. В ночь на 8 февраля арестовали почти весь состав Нарвского районного комитета большевиков, в том числе и руководителя стачки Ивана Егорова. В ту же ночь и на следующий день полицией было взято 250 рабочих.

9 февраля администрация завода, полагая, что теперь рабочие уже не будут бастовать, объявила завод открытым. Но на следующий день забастовала башенная мастерская, предъявив решительные требования: освободить арестованных полицией рабочих, принять 120 человек, не принятых после локаута, не выполнять приказа о милитаризации завода.

Организатором стачки в башенной мастерской был Иван Газа.

Требования башенной мастерской были поддержаны всем рабочим коллективом. Снова на заводе поднялись волнения. В течение двух недель беспрерывно останавливались то одна, то другая мастерская. Путиловцы настойчиво добивались выполнения своих требований. Заводоуправление снова объявило локаут, а главнокомандующий Петроградским военным округом издал приказ о призыве на военную службу молодежи четырех возрастов.

Две тысячи молодых путиловцев были взяты в солдаты. Среди них было немало кадровых рабочих, прошедших на заводе прекрасную школу классовой борьбы, и в их числе был молодой революционер — Иван Иванович Газа.

Путиловцев разбросали по дисциплинарным батальонам и штрафным ротам. Иван Газа попал в Аракчеевские казармы, одним своим именем говорившие, что здесь царит каторжный режим, подобный порядкам военных поселений. Четыре месяца пробыли там путиловцы на положении арестантов, но и тут они не потеряли бодрости. Иван Газа, всегда веселый, общительный, одним из первых пробил брешь подозрительности и недоверия среди солдат конвойной команды, сторожививших путиловцев. Он сблизился с конвойными и, хотя их часто меняли, вскоре приобрел среди них друзей. Он объяснял солдатам, кто такие путиловцы, за что их держат на особом положении, почему они взяты в армию. Да и сами солдаты, приглядываясь к забастовщикам, заметили, что это такие же русские люди, как и они сами, только не в пример им общительные, подвижные и неунывающие.

— Много видел я здесь непокорных, а таких как вы нет, — говорил Ивану Газа один из конвойных. — Всем вы обыкновенные, а сила какая-то большая в вас есть.

— У нас сила простая, — отвечал Газа. — У нас не каждый за себя, а все за одного и один за всех. Тем и крепки, что организованный мы народ — рабочие.

В июле 1916 года путиловцев-штрафников стали небольшими группами распределять по маршевым ротам и батальонам, отправлявшимся на фронт. Некоторых из них как специалистов-слесарей послали в качестве оружейников в полковые мастерские. В числе последних был и Иван Газа. Как окончившего ремесленное училище, его откомандировали в техническую команду при школе оружейных мастеров в город Ораниенбаум.

Солдатская служба в Ораниенбаумской школе оружейных мастеров была немногим лучше службы в Аракчеевских штрафных казармах. И здесь для путиловцев из технической команды установили особо строгий режим. Жизнь была ограничена мастерскими и казармой. С семи утра до девяти вечера ежедневно солдаты работали в мастерских, остальное время находились в казарме.

Иван Газа стал искать путей, как пробраться к своим в Петроград, но выехать из Ораниенбаума ему не удавалось. Тем не менее выход был найден. Связь с Путиловским заводом была налажена через письма. Узнав о пребывании Ивана Газа и других путиловцев в Ораниенбауме, районная большевистская организация поручила заводскому литографу И. Огородникову наладить с ними сношения. Огородникову не стоило больших трудов свидеться с Газа. Они установили регулярные встречи. Огородников привозил литературу, листовки, связал путиловцев-ораниенбаумцев с путиловцами, служившими в Стрельнинском третьем запасном батальоне. Иван Газа в свою очередь связался с некоторыми солдатами из второго пулеметного полка. Следуя указаниям районного комитета большевиков, передаваемым через Огородникова, он стремился к тому, чтобы связи шли дальше, к другим воинским частям гарнизона.

В течение полугода такой деятельности — организации и агитации среди солдат — Иван Газа проявил себя как весьма умелый массовик и конспиратор. Редко кто знал, что вся его агитационная деятельность, а в особенности стремление знакомиться с солдатами других частей, имеет под собой иную почву, чем простая общительность и любопытство. Иван Газа твердо и неуклон-

ко, со свойственным ему упорством проводил директиву большевистской организации — больше связей, знакомств, точек, на которые можно было бы опереться в случае революционного взрыва.

Чувствовалось, что революция зреет и приближается гигантскими шагами. Империалистическая война вконец измучила народные массы. Рабочие, крестьяне, солдаты проклинали войну, принесшую им неслыханные бедствия — нищету, разорение, голод и смерть. Забастовочное движение в стране ширилось и местами превращалось в открытые бои рабочих с полицией.

Сведения, приходившие в казармы технической команды, о волнениях на Путиловском заводе, в Петрограде, в стране Иван Газа быстро передавал через своих знакомых и товарищей солдатам. Вместе с ним действовали десятки путиловцев в гарнизонах Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны.

Во второй половине февраля 1917 года в Ораниенбаум к Ивану Газа приехал Огородников. Он подробно рассказал о событиях, происшедших 14 февраля на улицах заставы и в Петрограде. Расставаясь они условились, что в случае еще более серьезного разворота движения Ораниенбаумский гарнизон будет немедленно поставлен в известность.

Через несколько дней пришли сведения: Путиловский завод бастует. Еще через два дня стало известно, что останавливаются один за другим заводы Петрограда. Огородников приехал 25 февраля, а затем 26 февраля. Сведения, привезенные им, говорили о том, что пора выступать. Иван Газа развил энергичную деятельность. Он обошел всех товарищей и знакомых и передал им о том, чтобы готовились к бою. Может быть придется выступить сегодня. Сообщил, что в Питере на сторону рабочих перешла рота Павловского полка.

Всю ночь солдаты технической команды бодрствовали. Волнующее, тревожное чувство захватило всех. С утра 27 февраля, после известия о присоединении Волынского полка к восставшим петроградским рабочим, начало твориться небывалое: солдаты отказались выйти на занятия и столпились у своих казарм. Днем

одна из рот второго пулеметного полка разбила цейхгаузы и вышла на улицы.

Иван Газа подал сигнал. Техническая команда, захватив винтовки и патроны, высыпала во двор, построилась. Газа вывел ее на улицу и присоединил к пулеметчикам. К вечеру восстал весь гарнизон города Ораниенбаума. Восставшие собрались у казарм пулеметного полка. Приняли решение: немедленно пойти в Петроград на помощь рабочим.

По дороге — у Петергофа, у Стрельны — восставшие останавливались, увлекали за собою солдатские части, расположенные там, разбивали оружейные склады, забирали оружие, фураж, съестные припасы.

Иван Газа участвовал во всех этих операциях: отдавал приказания, отделял команды для охранения и разведки, выступал с горячими речами перед возбужденными солдатами в Петергофе и в Стрельне.

Недалеко от Нарвской заставы, возле Шереметьевского парка, передовые части солдат встретились с рабочими. В ораторе, выступавшем на митинге от имени путиловцев, Газа узнал старого друга—Ивана Егорова.

Егоров узнал Газа. Они обнялись, расцеловались и вместе, став впереди колонны, пошли к Путиловскому заводу.

У завода путиловцы восторженно встретили солдат. Затем вместе с солдатами двинулись в город. По дороге снимали засевших полицейских, уничтожали их пулеметные гнезда на церквах и чердаках домов.

Два дня провел Иван Газа на улицах Петрограда в боях против царских полицейских. Вместе с солдатами своей команды и путиловцами перебрасывался с места на место. Был у тюрем, встречал освобожденных политических арестованных, арестовывал видных царских сановников; он выступал на уличных митингах, присоединял к восстанию колеблющиеся воинские части гарнизона — делал то, что делали передовые петроградские рабочие, уничтожавшие вековой самодержавный строй.

В апреле 1917 года Иван Газа вступил в большевистскую партию, делу которой он отдал всю свою жизнь.

БОЕЦ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

По указанию районного комитета большевиков Иван Газа вернулся в башенную мастерскую и тотчас включился в работу цеховой большевистской организации. С первых же дней он показал себя как умелый организатор и сразу завоевал большой авторитет. Спустя несколько дней по приходе в мастерскую, его избрали членом цехового комитета, а еще через некоторое время — делегатом в районное отделение союза металлистов. В союзе металлистов Ивану Газа поручили возглавить культурно-просветительную работу. Большую часть своего времени Газа все же проводил непосредственно в цехе. В башенной мастерской он выполнял обязанности организатора: устраивал сборы на большевистскую «Правду», созывал собрания и митинги, собирал большевистскую фракцию цехового комитета и держал связь с районным комитетом партии, получая оттуда директивы и указания.

Влияние соглашателей в башенной мастерской стало быстро падать. Агитация большевиков проясняла сознание отсталой части рабочих, вначале поверивших демагогическим уловкам эсеров и меньшевиков.

Решительный перелом в настроении основных масс путиловцев, в том числе и рабочих башенной мастерской, произошел в мае месяце. 12 мая на Путиловском заводе на многотысячном митинге рабочих выступил Владимир Ильич Ленин. Иван Газа был среди башенщиков. Он жадно вслушивался в слова вождя революции, запоминал каждое его слово. Он видел, как огромная возбужденная масса людей затихла, увлекаемая железной логикой Ильича к ясному, твердому выводу: вне власти Советов нет выхода из ужасов империалистической войны, голода и разрухи.

Вместе со всеми двадцатью пятью тысячами путиловцев Газа горячо и восторженно приветствовал вождя большевистской партии, рабочих и крестьян. До самых ворот завода провожали путиловцы Ильича, спешившего на другое собрание.

Речь Ленина произвела на путиловцев огромное впечатление. Обсуждая события, рабочие постоянно вспоминали слова Ильича, все больше убеждаясь в правоте большевиков и твердо становясь под знамена большевистской партии.

Лозунги большевистской партии — мир, земля крестьянам, рабочий контроль, приостановление разрухи и голода — становились лозунгами народных масс. В качестве решающей меры, выхода, обеспечивающего все это, выдвигалась главная задача: взятие власти Советами. Лозунг «Вся власть Советам» все больше и больше овладевал массами рабочих и крестьян.

Каждый день приносил все более резкие и ясные подтверждения правильности большевистских лозунгов. Иван Газа неизменно следил за событиями и никогда не упускал ни одного значительного политического явления, чтобы не рассказать о нем товарищам по мастерской.

У его рабочего места постоянно находились рабочие. Здесь всегда можно было найти ответы на волнующие рабочих вопросы. Как член правления союза Газа был в курсе дела тарифного конфликта, тянувшегося с первых дней революции. Как член агитационной коллегии районного комитета большевиков, где систематически происходил обмен информацией, он знал о многом, что происходит в районе, в городе. Как бывший солдат, имевший крепкие связи с солдатами Ораниенбаумского гарнизона, Иван Газа знал о настроениях солдатских масс и крепил связи рабочих с солдатами.

В июне влияние большевиков на Путиловском заводе стало безраздельным.

В ходе четырехмесячной борьбы за дальнейшее развертывание революции массы убедились, что Временное правительство и его пособники эсеро-меньшевики обманывают их. Ни один из коренных вопросов революции не был решен: вместо прекращения войны на фронте шла подготовка к наступлению; вместо хлеба усилился голод — в Петрограде хлебный паек был уменьшен до трех четвертей фунта; вместо земли крестьяне получили карательные отряды; вместо рабо-

чего контроля капиталисты стали закрывать предприятия.

В стране назревал большой политический кризис, вылившийся вскоре в июльские выступления рабочих и солдат. В эти дни Иван Газа был в центре событий на Путиловском заводе. В полдень 3 июля к нему в мастерскую пришел знакомый солдат третьего запасного батальона первого пулеметного полка. Он сообщил, что полк расформировывают в маршевые роты для отправки на фронт. Солдаты видят в этом политику контрреволюции, желающей очистить Петроград от революционных частей, а потому выступают сегодня вооруженной демонстрацией с требованием передачи власти в руки Советов.

Через три часа на заводе появилась большая делегация солдат-пулеметчиков. Как раз происходила смена. Сплошным потоком по заводскому двору шли рабочие утренней и вечерней смен. Пулеметчики взобрались на трибуну, и мгновенно у здания завкома образовался шумный митинг. Солдаты объявили решение полка: немедленно выступать. В горячих речах они призывали путиловцев тотчас же выйти на улицы. Призыв этот нашел живой отклик. Один за другим на трибуну выходили рабочие, и каждый заканчивал свою речь словами призыва к немедленному выступлению.

Путиловские большевики в соответствии с установкой партии удерживали массу путиловцев от преждевременного выступления.

Семь часов длился на Путиловском заводе шумный митинг. Наконец, в одиннадцатом часу вечера путиловцы вышли на улицы. Большевики не оставили масс, хотя были против преждевременного выступления. Иван Газа шел в первых рядах рабочих башенной мастерской.

К двум часам ночи рабочие пришли к Таврическому дворцу.

Там уже стояли другие рабочие и солдатские демонстрации, пришедшие с теми же требованиями, что и путиловцы.

Делегации от рабочих районов, заводов и воинских частей уходили внутрь дворца. Ушла и путиловская

делегация, но она вернулась ни с чем. Путиловцы послали вторую делегацию, составив ее из представителей всех цехов завода. От башенной мастерской пошел Иван Газа.

До утра пробыли путиловцы у Таврического дворца, ожидая ответа. Но, не дождавшись, ушли домой за Нарвскую заставу. Газа направился на завод. Там, на дворе, уже снова собирался митинг. Газа пошел в башенную мастерскую, где объявил, что завод сегодня снова выступает.

В этот день демонстрацию путиловцев встретили стрельбой. Рабочие столкнулись лицом к лицу с контрреволюционными бандами. В этот день у Таврического дворца окончательно выветрился туман из голов самых отсталых групп рабочих. Они поняли, что соглашатели, открыто перешедшие на сторону контрреволюции, допустившие расстрелы рабочих и солдатских демонстраций, всегда были врагами рабочих, пособниками капиталистов.

На обратном пути, на Лиговке, путиловскую демонстрацию пыталась рассеять какая-то небольшая воинская часть, верная Временному правительству. По всем военным правилам Иван Газа организовал красногвардейскую цепь и повел ее в наступление. Путиловцы оттеснили воинскую часть и захватили у нее пулемет. С этим трофеем путиловцы вернулись за Нарвскую заставу. Но уже на следующий день пулемет пришлось разобрать и зарыть по частям. В Петрограде во-всю начала свирепствовать контрреволюция. Помещения Центрального, Петербургского комитетов большевиков и «Правды» были разгромлены, Ленин объявлен вне закона, партия большевиков была загнана в подполье. Контрреволюция с помощью партий эсеров и меньшевиков захватила власть в свои руки, установила свою кровавую диктатуру.

* * *

В конце июля, в дни работ исторического VI съезда большевиков, Иван Газа каждый вечер приходил в районный комитет партии. Там делегаты съезда от Нарвской организации делали сообщения о работах съезда,

о докладах и прениях на нем. Делегаты рассказывали, какую большую работу выполнял И. В. Сталин, непосредственно руководя по директивам В. И. Ленина VI съездом партии. Товарищ Сталин разоблачил предательские попытки троцкистов и бухаринцев свести партию с ленинского пути, разгромил все их наскоки на ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране и показал, что в России есть все необходимые условия для победы социалистической революции. Под руководством товарища Сталина VI съезд партии наметил боевую программу действий партии — подготовку вооруженного восстания, план организации пролетариата и беднейшего крестьянства для свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Иван Газа тщательно изучал решения и материалы VI съезда, публиковавшиеся в большевистской газете «Рабочий и солдат». Он стремился сделать эти решения достоянием широких масс рабочих. В этом ему, как и всем путиловским большевикам, помог доклад представителя Петербургского комитета товарища Серго Орджоникидзе.

Товарищ Серго пришел на Путиловский завод спустя несколько дней после VI съезда и на совещании цеховых комитетов изложил в ясной доступной форме решения съезда и вытекающие из них задачи организаций.

Серго подчеркивал, что подготовка вооруженного восстания должна вестись сразу во всех направлениях: и в области создания Красной гвардии, и в армии, и среди крестьян, и в деле идейной подготовки рабочих масс к решительному бою. Все эти задачи стоят перед каждым рабочим коллективом.

Серго разоблачил контрреволюционные махинации буржуазии, созывавшей в это время свое государственное совещание в Москве. Он предупредил рабочих, что за спиной совещания генералы готовят кровавый поход против революции.

Предсказания большевиков о готовящейся авантюре вскоре подтвердились. 25 августа генерал Корнилов двинул на Петроград свои войска. Корнилов предпо-

лагал одним ударом разгромить центр революции. Партия большевиков призвала рабочие массы дать решительный отпор контрреволюционным заговорщикам. Всколыхнулись заводы. За Нарвской заставой создался революционный комитет, на Путиловском заводе — штаб обороны, в мастерских — свои цеховые штабы.

Иван Газа состоял в цеховом штабе обороны башенной мастерской. Он формировал отряды Красной гвардии, добывая лопаты и другой шанцевый инструмент для рытья окопов. В районном Совете Газа раздобыл несколько десятков винтовок для цеховых отрядов, но этого оружия нехватило. Он снова явился в Совет и потребовал винтовки. Ему сказали:

— Поезжай-ка в город. Достань, кстати, и для нас.

Вместе с членом Совета шрапнельщиком Степаном Корнеевым Газа поехал в Смольный, в комитет борьбы с контрреволюцией. Большевики участвовали в этом комитете, созданном при ЦИК Советов, при условии вооружения рабочих. Путиловцев послали к одному из членов комитета за получением разрешения на выдачу оружия и для дачи информации о ходе подготовки обороны на заводе. Член комитета, высокий человек (позже Газа узнал, что это был Ф. Э. Дзержинский), подробно расспросил Газа и Корнеева, что делается на заводе. Путиловцы предложили дать пушки, которые полным ходом собираются на заводе.

Член комитета похвалил энергию рабочих и сказал, что орудия должны быть наготове, и чем больше, тем лучше. Затем разговор перешел к вопросу о настроении рабочих.

Дзержинский, узнав, что Газа — бывший солдат, имеющий связи с солдатами Ораниенбаумского гарнизона, дал ему задание: обеспечить силами солдат окружение и, в случае необходимости, разоружение Ораниенбаумской школы прапорщиков, о которой есть сведения, что она выступит против революции, как только Корнилов приблизится к Петрограду.

Иван Газа тотчас же на ближайшем поезде поехал в Ораниенбаум. Вечером он снова был в Смольном у

Дзержинского, доложил, что команда оружейников и две обслуживающие роты держат школу под прицелом. Даже пулеметы у них наготове. Все для изоляции школы прапорщиков сделано.

30 августа Иван Газа с последним отрядом башенщиков уехал на позиции. Путиловские отряды занимали большой участок. Только самым передовым отрядам пришлось столкнуться с корниловскими частями. Обе стороны сходились на переговоры. В результате огромной агитации, проведенной рабочими по всему фронту, ни одна воинская часть не согласилась выступить против рабочих.

31 августа утром Газа вернулся в мастерскую и рассказал о переговорах с войсками. В этот день в башенной мастерской было устроено собрание. Стоял отчет депутата Совета А. Кузьмина, отъявленного меньшевика; эсеры и меньшевики деятельно готовились к этому дню. Выступая по отчету, они хотели отыграться на корниловщине: «У нас-де с большевиками есть большие несогласия, но перед лицом общего врага контрреволюционера Корнилова мы выступаем вместе, следовательно, должны и будем вести вместе работу в Совете».

Разоблачить эту демагогию не стоило труда. Газа в своей речи подробно рассказал, как меньшевики и эсеры расчистили дорогу корниловщине.

— Долой соглашателей! Прогнать Кузьмина! — раздались крики по адресу меньшевиков. Кто-то громко сказал:

— Быть теперь Газа нашим депутатом.

Это предложение было подхвачено всеми рабочими.

Собрание постановило: признать работу Кузьмина в Совете плохой и вредной и отозвать его из членов Совета. Взамен его подавляющим большинством голосов депутатом в Петроградский Совет был избран большевик Иван Газа.

Через восемь дней Газа докладывал своим избирателям о крушении соглашательского господства в Петроградском Совете. Рабочая секция избрала новый — большевистский — президиум. Еще через десять дней Иван Газа принес известие о полной победе большеви-

ков в районном Совете, исполком и президиум которого составились целиком из большевиков. Наконец пришло известие о победе большевиков в Московском Совете. Все это показывало, что момент решительного штурма Временного правительства приближается.

В один из сентябрьских дней районный комитет большевиков созвал членов Совета, работников профсоюзов, путиловский завком, партийных организаторов. Собравшимся было прочитано письмо В. И. Ленина Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам большевиков.

В этом письме В. И. Ленин призвал партию поставить на очередь дня вооруженное восстание. В. И. Ленин указал, что в стране создались все условия для успешного осуществления восстания. Международная обстановка диктует не медлить с восстанием. В своем письме он обобщил учение марксизма о восстании, развил его, блестяще применив к конкретным условиям русской революции.

10 октября Центральный Комитет большевиков принял резолюцию о восстании. 16 октября на расширенном заседании ЦК партии был избран Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным. Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием. Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина подготовила все силы для решающего сражения за власть Советов.

Против Ленина, против решения Центрального Комитета о восстании выступили предатели — Зиновьев и Каменев. Партия с презрением отвергла их капитулянтские предложения. Тогда они совершили неслыханное предательство — опубликовали в меньшевистской газете «Новая жизнь» письмо о подготовке большевиками восстания, тем самым выдав контрреволюционному Временному правительству планы большевистского ЦК. Заодно с этими изменниками был и Иуда-Троцкий, выболтавший сроки вооруженного выступления.

Как только активные заводские большевики узнали об изменническом поступке Зиновьева и Каменева, они

тотчас же собрались в районный комитет партии. Там уже толпились возбужденные, взволнованные работники партийной организации. Началось совещание.

Все выступавшие, и в их числе Газа, заклеймили выступление изменников и утверждали, что предательство перетрусивших капитулянтов ни в малейшей степени не поколебало и не поколеблет боевого духа рабочих и что рабочие готовы к нанесению последнего смертельного удара капитализму.

Вооруженное восстание началось 24 октября.

В Нарвском районе штабом восстания был районный Совет. Председатель Совета Иван Егоров сказал Газа: «Оставайся здесь, будешь у меня адъютантом для особо важных поручений». Газа остался в Совете. Целые сутки он не выходил за пределы небольшого участка Новосивковской улицы, где помещались рядом Совет, комендатура Красной гвардии и комитет большевиков. Он сидел у телефонного аппарата, принимал распоряжения Военно-революционного комитета. В свою очередь он через красногвардейцев рассылал приказы: гаражу «Транспорт» — выдать все автомашины; дежурной красногвардейской «сотне» — выделить отряд, пойти на соединение с рабочими Московской заставы и совместно захватить Балтийский вокзал; Путиловскому завкому — обследовать район Шереметьевской дачи: нет ли со стороны находящейся там казачьей сотни поползновения против восстания.

Поздно вечером Газа сообщили, что Военно-революционный комитет вызывает ответственного представителя района. В Смольный поехал председатель Совета Егоров. Вернулся из Смольного Егоров глубокой ночью. Привез важные вести: взят телеграф, почтамт, захвачены почти все вокзалы, мосты и правительственные учреждения. Революционные войска и Красная гвардия стягиваются в район главного убежища Временного правительства — к зданиям Главного штаба и Зимнего дворца.

Самой важной и волнующей новостью было сообщение Егорова о встрече его с В. И. Лениным.

— Важно создать подавляющий перевес сил на каждом участке сражения. Ленин требует проявлять

больше инициативы и самодеятельности, — сообщал Егоров. — Необходимо обеспечить силами боевые действия не только в центре, но и выделять отряды для захвата всех важных пунктов в районе, захватить почтово-телеграфные отделения и установить в них контроль, забрать в свои руки станцию.

Воодушевленные рассказом о встрече с Лениным, путиловцы энергично взялись за выполнение указаний Ильича.

Газа разослал связных по всем мелким заводам, где еще с утра были установлены круглосуточные дежурства красногвардейских «сотен». Спустя два часа новые отряды вооруженных рабочих вышли, направляясь в Смольный и для захвата стратегически важных пунктов в районе.

25 октября вместе с другими депутатами Газа поехал в Смольный на заседание Петроградского Совета, на котором впервые после последних месяцев подполья присутствовал Владимир Ильич Ленин.

В. И. Ленин говорил о великом значении происшедшей революции и дал трудящимся новую программу действий — программу строительства советского социалистического государства, программу победы социализма.

Возвращаясь за Нарвскую заставу, путиловские депутаты торопились. Им хотелось скорее сообщить своим товарищам указания Ленина.

В тот же день было опубликовано постановление районного Совета, предлагающее исполнять распоряжения только Совета.

Вечером на экстренном заседании районного Совета были созданы отделы, через несколько дней переименованные в комиссариаты.

Иван Газа был избран в комиссариат финансов районного Совета рабочих депутатов.

Приступить к выполнению обязанностей помощника комиссара финансов Газа пришлось лишь спустя неделю. На другой день после победы пролетарской революции контрреволюция организовала антисоветский мятеж. Тысячи рабочих с оружием в руках бросились навстречу казачьим войскам, двигавшимся на Петроград.

Пять суток провел Газа в красногвардейских цепях под Пулковым. Вместе с путиловцами рядовым бойцом он принимал участие в сражениях против казачьих сотен. В решительных стычках с казаками рабочие сломили сопротивление контрреволюционных войск.

Второго ноября Иван Газа вернулся в район и вместе с другими комиссарами принялся за выполнение в масштабах района задачи, поставленной Лениным: строить свое социалистическое государство, свой аппарат управления. Газа взялся за создание комиссариата финансов.

Он начал с того, что объединил все средства, имевшиеся в Совете, в штабе Красной гвардии, в продуправе. Получил от народного комиссара финансов В. Р. Менжинского ассигновку на нужды района. Создал единый финансовый орган Совета и установил в нем жесточайший режим расходования.

Деятельность Газа в отделе финансов, его инициатива, распорядительность и твердость снискали ему славу крепкого комиссара. Когда перед районным Советом с особенной остротой встал вопрос о реорганизации милиции, Газа был откомандирован в Петергофский подрайонный комиссариат. Там нужен был крепкий, волевой комиссар, способный без колебаний очистить милицию от затесавшихся туда шкурников и разложившихся элементов.

Свыше трех месяцев пробыл Газа в Совете и в милиции. В башенной мастерской в это время вновь стали подымать голову приумолкшие было эсеры. Башенная мастерская потребовала своего депутата обратно в цех. Районный Совет согласился с требованием рабочих и отпустил Газа в мастерскую. Газа вернулся и в первый же день был избран председателем цехового комитета.

* * *

В феврале 1918 года над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность. Полчища вооруженных до зубов немецких империалистов угрожали разгромом октябрьских завоеваний. Предатели революции — троцкисты и бухаринцы, срывая дело за-

ключения мира, провоцировали наступление кайзеровских войск на страну социализма, еще не окрепшую и не имеющую своей армии. Каждый час промедления в подписании грабительского мирного договора, диктуемого обнаглевшими германскими генералами, ухудшал положение Советской страны и увеличивал разбойничьи требования немецких империалистов.

Ленин и Сталин в решительной борьбе с Троцким и его сподручным Бухариным, возглавлявшим враждебную партии группу, именовавшую себя группой «левых коммунистов», настаивали на подписании мирного договора с немецким командованием.

Страна крайне нуждалась в передышке. Интересы революции требовали любой ценой выиграть время, чтобы создать крепкую Красную армию, способную отстоять страну социализма и разгромить очаги недобитой и мобилизующейся контрреволюции.

Вспоминая об этих днях, Иван Газа впоследствии писал: «Сколько горячих споров было при обсуждении вопроса о заключении брестского мира. И ярко подчеркивается в этих дебатах весь авторитет и вера в своего вождя и учителя товарища Ленина».

Газа целиком стоял на позициях Ленина и твердо отстаивал их. В партийных массах, среди большевиков-рабочих побеждала линия Ленина и Сталина. Победила она и в высшем органе партии — в Центральном Комитете.

Но совершилось гнуснейшее предательство. Иуда Троцкий, посланный для подписания мирного договора, нарушил решение партии. Вместо выполнения директив партии Троцкий предательски отказался подписать мирный договор. Германское командование, воспользовавшись провокацией Троцкого, перешло в наступление по всему фронту. Германские войска захватили Юрьев, Остров и Псков, создавая непосредственную угрозу Петрограду.

Советское правительство и партия бросили клич: «Социалистическое отечество в опасности!». Прямо с заседания Совета, ночью, Газа вместе с другими путиловскими депутатами поехал на завод. В своих воспоминаниях он так писал об этих тревожных минутах:

«По призыву заводских гудков ночью стекались толпы рабочих на завод, чтобы, услышав голос своей рабочей власти об опасности, грозившей колыбели великой революции Красному Питеру, взять оружие в руки и грудью встать на защиту своих завоеваний. Прямо с завода двинулись батальоны путиловцев навстречу немецкому империализму, стоявшему под стенами Петрограда и дерзко стучавшемуся в ворота первого города пролетарской диктатуры.

Минута была тревожная. Старая царская армия, разложившаяся в окопах трехлетней империалистической бойни, почти без сопротивления откатывалась назад, открывая дорогу торжествующему врагу, отдавая в его руки и территорию и военные запасы.

У многих тогда еще не было твердой уверенности в том, что рабочему, сменившему молот на винтовку, зачастую не умевшему зарядить ее, будет по силам борьба с немецкими полчищами, вооруженными по последней технике, крепко дисциплинированными и руководимыми матерыми военными специалистами.

Но революционный энтузиазм и сознание своего долга перед международной революцией сделали возможным невозможное».[1]

Для борьбы с немецкими империалистами путиловцы выставили несколько отрядов Красной гвардии и создали Путиловско-Юрьевский партизанский отряд. Свыше шести тысяч человек двинулось из-за Нарвской заставы навстречу немецким войскам. Ушло большинство членов путиловского завкома. Ушли почти все члены Совета. В районе для чрезвычайных работ оставили только восемь депутатов Совета, в том числе и Ивана Газа, дав им неограниченные полномочия.

Восьмерка чрезвычайных уполномоченных создала подвижные патрули и специальные контрольные комиссии. Уполномоченные добывали для ушедших на фронт продовольствие и папиросы, вместе с членами путиловского завкома следили за ходом работ на заводе и подготовляли эвакуацию ценнейшего оборудования и металлов на случай, если немецкие империалисты подой-

---

[1] „Красный путиловец“, Сборник, „Прибой“, 1926, стр. 94.

дут близко к Петрограду. Создали штаб Красной армии и открыли запись добровольцев: в первых числах марта в районе Нарвской заставы уже было завербовано около двух тысяч человек.

Работы шли слаженно, энергично, с подъемом. Но уже к началу марта в пушечной начались перебои в работе. Вместо работы вдруг начинался митинг.

Эсеры и меньшевики, воспользовавшись уходом на фронт лучшей части рабочих, стали устраивать «волынки». Спекулируя на трудностях, они демагогически требовали повышения хлебного пайка, выдвинули требование эвакуации рабочих с выдачей им вперед полуторамесячной заработной платы. Они открыто призывали «изменить правление власти» и отменить национализацию заводов.

В эти дни на Ивана Газа и нескольких его товарищей выпала огромная задача по разоблачению контрреволюционных выступлений меньшевиков и эсеров. И эту работу они провели с успехом: ни на один день завод и мастерские не приостанавливали боевого темпа оборонных работ.

С фронтом Иван Газа держал крепкую связь и знал о ходе боевых операций на всех участках. Первые же сведения ясно показывали: наступление немцев приостановлено. Под Псковом Красная гвардия изрядно поколотила их, так что захватчики подались назад. Красная гвардия сбила даже аэропланы, которыми немецкое командование хотело запугать рабочих, захватила в плен отряд велосипедистов.

После заключения мира, в середине марта начали возвращаться путиловские красногвардейцы с псковского и нарвского участков. 13 марта в районном Совете состоялось объединенное заседание всех организаций, на котором депутаты отчитывались о своей работе за время боевых действий против немецких империалистов. Председатель путиловского завкома докладывал о деятельности заводского комитета; член Совета, представитель Путиловско-Юрьевского партизанского отряда — о боевых действиях под Нарвой; Иван Газа и Травников докладывали о работе восьмерки уполномоченных.

Свой доклад Газа закончил выводом: теперь все поняли, что мирно трудиться не дадут нам ни международные империалисты, ни внутренние контрреволюционеры. Поэтому путиловцы должны начать строить настоящую боевую часть Красной армии. База есть — бронепоезд и бронеплощадки. И если повсюду заводы создадут пролетарские части, сразу образуется мощная Красная армия.

Объединенное заседание единодушно постановило: создать в районе свои крепкие боевые воинские части — Путиловский стальной артиллерийский дивизион в составе легких полевых, зенитных, железнодорожных и автомобильных батарей и Первый Красный рабоче-крестьянский путиловский социалистический полк.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР

8 апреля 1918 года в списки воинских частей Рабоче-Крестьянской Красной армии была внесена новая боевая единица — Путиловский стальной артиллерийский дивизион.

Организаторы дивизиона — большевики из заводского комитета и районного штаба Красной армии — гордились своим детищем: все в дивизионе — от блиндированных орудийных площадок до запасного гаечного ключа в походной мастерской — было сделано руками путиловских рабочих в цехах Путиловского завода; вся команда от комиссара и командиров батарей до последнего по списку нестроевого красноармейца состояла из рабочих-путиловцев, уже понюхавших пороха и обстрелянных в боях против банд Краснова — Керенского в октябре 1917 года и против немецких империалистов в феврале 1918 года.

Много сил и энергии положил Иван Газа на дело создания этой боевой части Красной армии. Он нес обязанности политического и в то же время технического контроля; занимался отбором людей на бронеплощадки и в пулеметные команды; следил за политической работой среди красноармейцев, которая была введена сразу и стала обязательным и необходимым видом учебы в дивизионе. Вместе с другими технически

сведущими рабочими Газа вменялось в обязанность проверять конструктивные устройства бронеплощадок и установку орудий. Он должен был определять комплекты запасных частей, необходимого инструмента и оборудования для походных мастерских. Кроме того Газа помогал другим организаторам дивизиона добывать вещевое довольствие, оборудовать теплушки, формировать штаты полевых и зенитных батарей.

В результате огромной затраты энергии путиловцы за короткое время создали мощную воинскую единицу, отдельные части которой систематически отправлялись в распоряжение Народного комиссариата по военным делам. Так, еще в самом начале формирования дивизиона были отправлены одиннадцать блиндированных платформ, созданных по типу первого путиловского бронепоезда, в это время сражавшегося на юге против петлюровско-гетманской контрреволюции.

Сами организаторы дивизиона при подсчетах сделанного удивлялись: неужели все это соорудили путиловцы и всего лишь за два месяца?

— Цифры-то какие! — восклицал Иван Газа. — Сделано: девять железнодорожных батарей, столько же автомобильных, три полевые и три зенитные батареи. Одних пушек в дивизионе — девяносто, автомобилей — полтораста, вагонов — пятьдесят. Созданы четыре команды: пулеметчиков, разведки, связи, даже музыкантская команда!

Но вдруг в самый разгар работ по формированию и обучению батарейных команд — в мае 1918 года — прибыла предательская телеграмма Троцкого: команду Путиловского артдивизиона списать, материальную часть отправить в Рыбинск. Рабочие забили тревогу: почему списать команду, зачем отправлять пушки в Рыбинск?

Путиловцы отказались выдать материальную часть. Троцкий телеграфно пригрозил расстрелом. Газа предложил организовать протест. Вместе с товарищами пошел в высшие партийные органы и Военный комиссариат. (Путиловцы, организаторы дивизиона, всегда ходили группой, и над ними нередко подшучивали, что они, мол, «ходят всем Путиловским заводом».) Пути-

ловцы предъявили требование: если забирают материальную часть, пусть отправляют вместе с командой путиловцев. Одновременно было послано письмо председателю ВЦИКа Я. М. Свердлову. Предательский приказ Троцкого был отменен Свердловым. Путиловский артдивизион был сохранен как самостоятельная боевая единица.

Немного позже путиловцы убедились, что они были правы, не отдавая орудий. Офицеры, с тайной целью примазавшиеся к Красной армии, стягивали в Рыбинск артиллерию и с помощью предателя Троцкого сосредоточили там крепкий кулак для восстания против Советской власти, которое они и подняли в июле 1918 года.

Вскоре партия большевиков призвала петроградский пролетариат дать боевые силы для разгрома белогвардейских восстаний. Вместе с отрядами других районов на фронт выехали и путиловские батареи. Первая легкая батарея в июне уехала на Восточный фронт против восставших чехословаков. В июле на подавление эсеро-белогвардейского мятежа в Ярославле отправилась автожелезнодорожная батарея. Вторая легкая батарея выехала в район Средней Волги в составе Петроградского сводного артдивизиона. Зенитная батарея была отправлена на Северный фронт против английских интервентов, захвативших Архангельск. Остальные батареи были переданы в ведение Петроградского военного комиссариата и в разное время в составе различных сводных отрядов выехали на открывшиеся в то время многочисленные фронты гражданской войны.

Иван Газа все время находился в районе и на заводе, принимал участие в формировании батарей и отрядов. В августе 1918 года, когда последняя батарея была отправлена, а Путиловский артдивизион, как боевая единица, перестал существовать, Газа вступил в ряды Красной армии. По решению районного комитета большевиков он уехал в одну из боевых частей, созданных путиловцами, — в автожелезнодорожную батарею, находившуюся в Нижнем-Новгороде, у берегов Волги.

Нового красноармейца в батарее встретили радостно. Как высококвалифицированного слесаря Ивана Газа приписали к походной мастерской и поручили ему ответственную работу: просмотреть и уточнить чертежи бронепоезда, в который должна превратиться автожелезнодорожная батарея. На Сормовском заводе по чертежам путиловцев бронировались площадки, и батарея в списках Центроброни уже именовалась как бронепоезд № 6.

Собрав вокруг себя квалифицированных рабочих, а их в батарее было не мало, Газа принялся за проверку чертежей, вернее грубых, не совсем искусно сделанных эскизов. Многое в них пришлось исправить. Путиловцы не знали техники создания настоящих бронепоездов, но благодаря своему опыту в основном правильно сконструировали и орудийные башни, и поворотные механизмы, и броневые площадки. Инженерам Сормовского завода оставалось только производить детальные технические расчеты.

Иван Газа стал правой рукой командира бронепоезда — тоже путиловского рабочего, Аврамия Шмая: ежедневно ездил с ним на завод, присматривал за переоборудованием и бронировкой площадок, совершенствовал конструкции башенных механизмов.

В сентябре пришло известие, что комиссара бронепоезда перебрасывают на другую работу. В партийной большевистской организации долго обсуждали, кого выдвинуть на эту должность. Иван Газа был признан самым подходящим: он и бывший солдат, знающий военное дело, он и партийный организатор, и агитатор, и массовик. Он сумеет сплотить вокруг себя всю команду. На общем собрании красноармейцев Иван Газа единогласно был избран комиссаром бронепоезда и вскоре утвержден в этой должности высшим командованием.

В Нижнем-Новгороде Путиловский бронепоезд простоял четыре месяца для ремонта. Лишь в первое время, когда Волга находилась под угрозой прорыва белогвардейских пароходов, одна из путиловских батарей была выдвинута к берегу в 20 верстах от Нижнего.

Путиловцы держали под прицелом своей батареи важную коммуникационную линию — волжскую водную магистраль, проверяя все проходящие суда.

В условиях вынужденного ожидания — пока забронируют площадки — Иван Газа проявил много изобретательности и инициативы, чтобы организовать учебу красноармейцев. В этот период проверялись его качества как комиссара, проверялась и выдержка всей команды. Комиссар, командир и красноармейцы вышли из этого испытания с честью. На бронепоезде была развернута большая воспитательная работа. Иван Газа организовал вагон-клуб, устроил библиотеку, создал театральную труппу и объединил музыкантов в оркестр. Боевая учеба была поставлена образцово. Занятия по артиллерии, пулеметной стрельбе и политические занятия проводились изо дня в день. Кроме того путиловцы проводили огромную работу среди окрестного деревенского населения. Выезжали в села с оркестром, устраивали театральные представления, организовывали беседы и митинги с крестьянами, разъясняя им, для чего создается Красная армия, чего добиваются рабочие и какова политика Советской власти.

Слава о дисциплинированной воинской части путиловцев шла далеко. Из центра поступали требования одно за другим: дать комиссара то в одну, то в другую красноармейскую часть. Путиловцы давали комиссаров. В октябре Иван Газа получил ответственнейшее задание правительства: составить крепкую охрану для сопровождения ценного и секретного груза — золота. Вместе с командиром он отобрал надежнейших людей и выделил одну из железнодорожных батарей. Ценный груз был доставлен в указанное место в срок. В это же время автомобильная батарея была выделена в самостоятельную часть и ушла на фронт в район Поволжья. В конце октября бронирование поезда было закончено. Первую годовщину Октябрьской революции путиловцы праздновали уже на настоящем бронепоезде в Москве. На другой день после праздника, по распоряжению Центроброни путиловцы выехали на границу, в город Оршу. С этого времени началась боевая история Путиловского бронепоезда № 6 имени В. И. Ленина.

* * *

В Оршу, к демаркационной линии с немцами, Путиловский бронепоезд прибыл в момент, когда пришло известие о происшедшей в Германии революции. Вместо ожидавшихся военных действий начались огромные передвижения солдатских масс — русских военнопленных в Россию, немецких солдат в Германию. Иван Газа стал организовывать питательные и агитационные пункты; составил из красноармейцев бронепоезда агитационные группы, которые ежедневно дежурили на станции, принимали приходившие и уходившие эшелоны.

Инструктируя агитаторов, Иван Газа обращал их внимание на необходимость вводить бывших военнопленных в курс происходящих событий в стране.

Оборванные, голодные и истощенные русские солдаты, возвращавшиеся из тяжелого немецкого плена, жадно слушали путиловских агитаторов. Вид красноармейцев, их дисциплинированность, новенький Путиловский бронепоезд с торчащими из бойниц орудиями и пулеметами, вагон-клуб и оркестр, которым встречали эшелоны, наконец, крупные белые буквы «Ленин» на бронированном паровозе производили на солдат огромное впечатление. Они впервые сталкивались с Красной армией, о которой в германском плену наслышались всяких небылиц.

В середине ноября бронепоезд был брошен на первое боевое дело — на подавление белогвардейско-кулацкого восстания в Гжатске. Оставив базу, жилые вагоны, вагон-клуб, мастерскую, запасные площадки и вагоны с лошадьми на одной из ближайших к месту назначения станций, бронепоезд двинулся к Гжатску. В Гжатск прибыли, когда город был оставлен бандами, сосредоточившимися по селам и лесам, откуда они делали набеги на железнодорожное полотно, пытаясь прервать сообщение с Москвой. Было известно, что восставшее кулачье готовит силы для нового захвата города.

Для устрашения бандитов командир и комиссар отдали приказ выпустить несколько залпов из орудий — шрапнелью на высоких разрывах. Однако кулаки перешли в наступление и многотысячной толпой

двинулись по направлению к Гжатску. С помощью Путиловского бронепоезда и подоспевших частей Красной армии район восстания был окружен и мятеж был раздавлен одним ударом.

Иван Газа принял участие в аресте зачинщиков и руководителей контрреволюционного восстания. Его внимательный и вдумчивый подход и разъяснительная работа среди крестьян сыграли большую роль в разоблачении истинных организаторов мятежа — кучки офицеров, попов и помещиков. Путиловцы открыли многим крестьянам глаза на то, какому обману они подвергались со стороны кулаков и офицеров, вовлекших их на путь борьбы с Советской властью.

Командующий Гжатским районом высоко оценил помощь путиловцев в подавлении восстания. В письме командиру и комиссару бронепоезда он писал:

«Приношу всей команде бронепоезда № 6 искреннюю благодарность за совместную работу по ликвидации гжатского восстания, где ваши красноармейцы доблестно исполнили свой долг перед РСФСР и тем еще раз показали преданность революции. Надеюсь, что и в дальнейшем они будут стойкими защитниками и борцами за Советскую республику».

30 ноября бронепоезд № 6 возвратился в Москву. Здесь бронепоезд получил приказ выехать на Южный фронт в распоряжение 12-й дивизии VIII армии, громившей белогвардейские полчища Краснова и Корнилова.

* * *

Южный фронт начинался за Воронежем, в районах станций Лиски и Таловая. Два бронепоезда Красной армии — Путиловский № 6 и бронепоезд отряда борисоглебцев — получили задание: выдвинуться вперед, выбить противника из железнодорожных станций, прочищая дорогу наступающим красноармейским частям 12-й дивизии.

У речки Хворостань, между деревнями Верхний и Средний Икорец, бронепоезда остановились — мост через реку был взорван. Оставив базу позади, путиловцы подкатили бронеплощадки к самому мосту и

открыли артиллерийский огонь, оттесняя белогвардейцев подальше от реки. Стреляли метко, не торопясь, укладывая снаряд за снарядом в расположение войск противника, пока не отогнали их на расстояние, недосягаемое для трехдюймовых орудий.

Мост чинили несколько дней. За это время Иван Газа успел устроить несколько агитационных походов в ближайшие деревни. Крестьяне, испытавшие издевательства и гнет белых, радушно встречали своих избавителей. Между путиловцами и икорецкими крестьянами за эти недолгие дни установилась крепкая дружба.

Наконец мост был готов. Первым пропустили бронепоезд борисоглебцев, как более легкий. Однако мост едва выдержал его. Иван Газа и командир не рискнули пропустить тяжелый Путиловский бронепоезд без проверки моста; для этой цели они выкатили на мост вагон с дровами. Мост провалился. Во главе с комиссаром и командиром путиловцы принялись за восстановление моста. Через два дня мост был готов. Путиловский бронепоезд преодолел первое препятствие. Но лишь только выехал, как неожиданно наткнулся на другое: в этот год зима на юге была необыкновенно суровой и снежной. Бронепоезд попал в пургу и застрял в пути, занесенный снегом до самых крыш вагонов. Лишь на одиннадцатые сутки пути были очищены от снега, и бронепоезд полным ходом двинулся к станции Лиски. Во многих местах рельсы оказывались взорванными или разобранными. Путиловцы восстанавливали путь своими силами и снова двигались вперед. Ни одна мало-мальски значительная работа не обходилась без непосредственного участия комиссара. Наряду с красноармейцами Иван Газа работал по ремонту путей и в то же время успевал ежедневно бывать во всех вагонах, на всех площадках.

Авторитет комиссара необычайно вырос. Он знал нужды и заботы каждого. К нему ходили с письмами, полученными из дома, приходили за советом и разъяснением. Распущенности и расхлябанности комиссар не терпел. Каждый красноармеец знал, что, совершив проступок и получив «проборку» от комиссара, он

буквально через час может явиться к Ивану Газа с просьбой или требованием, и, если его просьба законна, требование справедливо, комиссар немедленно удовлетворит их и ни одним словом не напомнит ранее провинившемуся об его проступке. Красноармейцы ценили тактичность своего комиссара, привязались к нему, уважали и любили его.

Большевистская организация бронепоезда № 6 в первые же месяцы политического руководства комиссара значительно выросла и сплотилась. Красноармейский коллектив бронепоезда жил одной большой дружной семьей. В команде образовались коммуны по три — пять человек. Но эти коммуны, строившиеся по принципу товарищеской связи, были, как говорили путиловцы, исключительно «потребительскими» — паек съедали вместе и производили закупки вместе. Из 104 человек команды бронепоезда ни один не был отчислен, но зато один за другим путиловцы уходили из бронепоезда № 6 на командные и комиссарские должности; уехал и друг Газа башенщик Виктор Пастернак, вскоре геройски погибший в боях против белогвардейцев.

Первый крупный бой, в котором участвовал Путиловский бронепоезд № 6, произошел в декабре 1918 года в районе станции Лиски. Участвуя в маневре по обходу противника с фланга, бронепоезд три часа, то отходя, то чуть выдвигаясь вперед, оттягивал на себя главные силы белых. Иван Газа с высоты трубы водокачки корректировал стрельбу из орудий бронепоезда по красновским бандам.

Когда белые были обойдены, бронепоезд № 6 двинулся вперед, поддерживая наступающую пехоту. Под ударами с фланга и с фронта белогвардейцы оставили станцию, на которую первым ворвался Путиловский бронепоезд № 6.

Теснимые с двух сторон красновские части отходили назад, закрепившись лишь в верстах восьмидесяти от станции Лиски — за деревней Россоши и станцией Евстратовка. Отсюда белые попытались перейти в контрнаступление, собрав сильный кулак казачьих войск.

Бронепоезд № 6 очутился далеко впереди главных сил Красной армии. Лишь небольшие отряды красноармейцев действовали в этом же районе. Путиловцам не хотелось даже временно отходить назад. Бойцы явились к командиру и комиссару с предложением организовать ополчение из крестьян, у которых несомненно есть много оружия и которые весьма рады избавлению от режима белогвардейцев. Путиловские агитаторы разошлись по ближайшим деревням, и в самое короткое время крестьянские цепи появились впереди бронепоезда № 6. Вместе с ними были и бойцы Путиловского бронепоезда. Завязался бой. Красноармейцы окапывались в снегу. Все шестнадцать пулеметов бронепоезда были сняты с площадок и расставлены вдоль всей цепи. Рядом с мужчинами находилось много женщин-крестьянок, особенно яростно ненавидевших белобандитов.

Мужество крестьян не уступало мужеству красноармейцев. Врач бронепоезда, разместивший полевой госпиталь на станции Евстратовка, перевязывал раны, и, если он говорил, что рана не опасна, крестьяне снова уходили в бой. Целые сутки, лежа в снегу, путиловцы и крестьяне вместе с красноармейскими частями отбивали атаки казачьих войск. Белые так и не смогли продвинуться ни на шаг, а когда подошли свежие красные части, белые быстро покатились назад, открывая путь на Донбасс — к Луганску и Бахмуту.

За успешно выдержанные бои и инициативу комсостава и команды в приказе по VIII армии путиловцам была вынесена благодарность. Весь личный состав был награжден месячным окладом содержания. По предложению Ивана Газа наградные деньги не раздавались на руки — решено было коллективно закупить продовольствие (муку, крупу) и при случае отправить в Петроград, где в эту пору свирепствовал голод.

Три недели, предоставленные путиловцам для отдыха и приведения в порядок бронепоезда № 6, были проведены вблизи станции Нижний Икорец. Здесь так же, как и раньше, под руководством Ивана Газа развернулась большая культурная и политическая работа среди крестьян.

В конце февраля бронепоезд № 6 получил приказ снова выехать на передовые позиции. В день отъезда Иван Газа организовал митинг. Со всех окрестных деревень съехались крестьяне на проводы бронепоезда. По пояс в снегу шли люди к станции, шли ребятишки, женщины. Станция ожила. Комиссар произнес прощальную речь. Он говорил о Красной армии, о том, как дружно заживут рабочие и крестьяне, когда белая мразь будет стерта с лица земли. Говорил о родном Путиловском заводе, который многое может сделать и сделает для трудящихся крестьян.

Раздался первый призывный гудок паровоза, созывая красноармейцев, ушедших проститься к крестьянам. Затем два гудка — сигнал «поторопитесь». Наконец — третий. И в темной ночи, провожаемый большой толпой крестьян и крестьянок, у которых слезы стояли в глазах, Путиловский бронепоезд двинулся в район Алмазная — Ломоватка в дебальцевском направлении, где в это время шли кровопролитные бои с белогвардейцами.

27 февраля Путиловский бронепоезд № 6 вступил в район боевых действий под станцией Вергелевской. Иван Газа снова находился у орудий, у наблюдательных вышек. Он был как-то особенно бодр, и появление его в самые горячие минуты придавало красноармейцам бодрость. Газа говорили: «Стреляется хорошо, Иван Иванович, когда ты рядом». Газа улыбался и оставался у батареи. В первый же день двумя залпами Путиловский бронепоезд № 6 привел в молчание вражескую батарею, стоявшую у линии железной дороги. На следующий день батареи противника также вынуждены были бездействовать.

Белые сосредоточили в этом районе самые лучшие свои силы — добровольческий корниловский полк, почти целиком состоящий из офицеров, так называемые батальоны смерти, тяжелые бронепоезда, аэропланы, ударные части. За Дебальцево белые дрались отчаянно, зная, что взятие красными этой узловой станции открывает им дорогу к Ростову-на-Дону.

Газа собрал коммунистов бронепоезда, рассказал им, в чем сущность обстановки, напомнил, что комму-

нисты должны показать образцы упорства и мужества, ибо предстоят крупные бои.

И действительно. С начала марта в течение девяти дней с обеих сторон неумолчно гремела артиллерия. Атаки и контратаки происходили каждый день. В задачу бронепоезда № 6 входило поддерживать огнем наступающие красноармейские части 15-го стрелкового полка.

Пятого, шестого и девятого марта происходили решающие схватки. Путиловцы показали образцы мужества и техники стрельбы. Командир 15-го стрелкового полка в письме Газа так характеризовал роль бронепоезда:

«Относительно незначительный процент урона во вверенном мне полку, считаясь с ураганным пулеметным и орудийным огнем противника, может быть отнесен в значительной своей части к меткости стрельбы батарей броневика, несколькими залпами заставлявшего броневые поезда противника уходить, а полевые батареи противника молчать долгие часы, боясь своего обнаружения. 5 и 6 марта цепи вверенного мне полка продвигались почти исключительно под прикрытием огня батарей бронепоезда, и 9 марта, по данным разведки, паровоз неприятельского броневика был приведен в негодность — прямым попаданием была сшиблена площадка неприятельского броневика».

Двенадцатого марта бронепоезд, достаточно расшатавшийся в боях, прибыл в Луганск. Но нужного ремонта пушек на Луганском паровозостроительном заводе невозможно было сделать. Бронепоезд отправили в Москву, а оттуда в Петроград на Путиловский завод. 31 марта путиловцы прибыли на станцию Пущино, в родную Нарвскую заставу, откуда девять месяцев назад уехали неопытными красноармейцами, а вернулись закаленными и обстрелянными бойцами Красной армии.

* * *

Не узнать было старой Нарвской заставы. Заводские цеха замерли, и там, где раньше ключом била жизнь, стало тихо и пустынно. Лишь кузнечная и паровозная мастерские продолжали работать, выпол-

няя заказы фронта. Люди были похожи на тени — худые, изможденные, мертвенно-бледные. Но несмотря на голод, царивший в Петрограде, настроение за Нарвской заставой было боевым. Рабочие горели ненавистью к белогвардейцам и интервентам, пытавшимся задушить Советскую Россию, и уходили на фронты. В районе оставались только женщины, старики и дети. Женщины устраивали субботники по заготовке дров и поддерживали завод топливом. Старики-путиловцы — слесаря, токаря, станочники — выносили на себе все трудности спешных работ по ремонту. Голодные, на жестком пайке, они сутками не выходили из цехов, чтобы дать Красной армии пушки, отремонтированные бронепоезда, паровозы и автомобили.

Приезд бронепоезда № 6 оживил Нарвскую заставу. Комиссар передал детским учреждениям района продукты, закупленные путиловцами на наградные деньги. Красноармейцы отдали для детей почти все, что привезли, оставив для своих семей лишь очень скромные пайки. В первый вечер по приезде путиловцы, разместившиеся на заводе, устроили бал. В путиловском театре на огромной плите в солдатских котелках варили пшенную кашу. По Нарвской заставе разнеслось: «Броневики кашей кормят». В театре собрались рабочие, девушки, дети. Бал удался на славу. Иван Газа открыл его краткой речью, рассказав о положении на фронтах и боевом пути Путиловского бронепоезда № 6. Затем красноармейцы угощали пришедших пшенной кашей, а потом начались концерт и танцы.

На следующий день приступили к ремонту бронепоезда. Газа сам стал у тисков и вместе с рабочими и красноармейцами бронепоезда участвовал во всех работах. Днем работал, вечером организовывал субботники по сбору топлива, металла, ночами готовился к политическим занятиям, которые регулярно проводил сам.

В это время для Советской России начались особенно трудные дни. Антанта организовала свой первый поход и перешла в наступление на Советскую страну. Основное направление удара было с востока; одним из вспомогательных ударов было наступление

Юденича на Петроград. Путиловский бронепоезд № 6 был спешно отправлен на фронт против белогвардейских банд Юденича. Два месяца бронепоезд курсировал в районе Псковского участка Северо-Западного фронта, громил бело-зеленые банды, расчищал путь для перехода Красной армии в наступление, которое организовал товарищ Сталин, ставший во главе обороны Петрограда. Неоднократно путиловцам приходилось сражаться с бело-эстонскими войсками и неприятельскими бронепоездами. Приходилось сталкиваться и в пешем бою, когда бронепоезд попадал в тесное окружение белых частей. Много раз бывал бронепоезд на краю гибели, но ни разу белым не удалось задержать его. Смелый командир и героический комиссар всегда выводили бронепоезд из опасных положений. В этих боях Газа показал себя неустрашимым бойцом. Его героизм был прост. Он не вылезал без нужды под пули, а когда нужно было следить за стрельбой, не было более спокойного и точного наблюдателя и корректировщика, чем комиссар. В нужную минуту Газа бывал первым в цепи. В комиссаре бойцы бронепоезда видели старшего товарища, друга, руководителя.

В весенне-летних боях против банд Юденича, бело-эстонцев и бело-зеленых путиловцы потеряли несколько бойцов. Бронепоезд сильно истрепался, и как только белые были отогнаны, бронепоезд снова вернулся на Путиловский завод для ремонта. Но полностью закончить ремонт не удалось. В конце августа спешным приказом поезд был затребован на передовые позиции. Начинался второй поход Антанты, по плану которого белые банды Юденича снова должны были ударить по революционному Петрограду.

По заданию командования бронепоезд действовал в районе Ямбурга — Гатчины. Здесь произошли самые крупные бои из всех, какие раньше приходилось вести путиловцам. Расстроенные части 6-й стрелковой дивизии уходили назад. Незащищенное железнодорожное полотно обнажалось, и бронепоезд один удерживал передовые цепи противника. Белые беспрестанно обстреливали полотно железной дороги, намереваясь прорваться в Петроград.

Путиловский бронепоезд № 6 притаился у полустанка Тикопись. Пары были ослаблены, чтобы он не был заметен. Снаряды противника ложились близко. Газа, с ввалившимися от бессонницы глазами, созвал коммунистов в вагон-клуб. Коммунисты собрались мгновенно. Здесь было большинство команды. Комиссар обвел всех внимательным взглядом, усталые глаза его сверкнули теплым огоньком: эти не сдадут, не покатятся назад. Спокойно, будто бронепоезду предстоит простая задача, Газа объяснил обстановку:

— Нам дан приказ подойти к Ямбургу и удержать станцию. Но уже есть сведения, что она занята отборными частями белогвардейцев — дивизией князя Ливена. Мы могли бы выбить их оттуда, но за нами нет пехоты. Полотно железной дороги обнажено, белые бьют вдоль полотна и о нашем бронепоезде, очевидно, не знают. Паровоз у нас небронированный, наш в ремонте... Мы можем все до единого погибнуть, но свой коммунистический, пролетарский долг должны выполнить в предстоящей нам неравной борьбе. Коммунисты будут впереди, в этом мы уверены.

Через несколько минут бронепоезд № 6 имени В. И. Ленина, грохоча орудийными площадками, двинулся вперед. На паровозе, свесившись из будки, стоял военный комиссар Иван Газа и, улыбаясь, махал кожаной фуражкой, приветствуя изумленных жителей глухого полустанка Тикопись.

Неподалеку от Ямбурга бронепоезд остановился. В разведку пошли два красноармейца — Ефремов и Чадов. Они не вернулись — их зарубили белые. По значкам «бронепоезд № 6» белогвардейцы узнали о путиловцах. Одним ударом решили они покончить с бронепоездом. Отцепили какой-то паровоз и полным ходом пустили его навстречу бронепоезду. Комиссар заметил идущий навстречу паровоз. Быстро скомандовал: «полный назад и бей по паровозу». Бронепоезд начал отходить назад. Комиссар перебрался на орудийную площадку. Теперь все дело было в спокойном, точном расчете — дорогà каждая секунда, каждый метр железнодорожного пути. Шальной паровоз мчался на всех парах.

Загремело переднее орудие. Первый снаряд лег мимо. Второй также. А паровоз все ближе и ближе, вот, вот настигнет бронепоезд, и катастрофа неминуема. Кое-кто уже беспомощно озирался, как бы ища спасения. Но спокойная фигура комиссара внушала уверенность: разобьем. Иван Газа стоял возле орудийных номеров и негромко отдавал команды. Один снаряд сбил у мчавшегося паровоза трубу, другой ударил в тендер, третий разворотил котел и машинное управление. Шальной паровоз сбавил ход, начал отставать и, наконец, остановился.

Быстрота, распорядительность, выдержка и мужество комиссара спасли бронепоезд и жизнь сотни людей.

Между тем бронепоезд № 6 был окружен. И спереди, и сзади, и с боков зашли белогвардейцы. Воду и дрова для паровоза приходилось брать с бою. Пока пулеметчики и артиллеристы отбивались от наседавших белых, часть команды под руководством комиссара под огнем грузила дрова, набирала воду. Сверху то и дело налетали белогвардейские аэропланы: комиссар бросался к орудиям отгонять назойливых врагов. Всюду, где завязывался горячий бой — пулеметный или артиллерийский, появлялся Иван Газа.

Три дня, с 12 по 15 октября 1919 года, без сна, без отдыха, без пищи («кофе» варили из сухих капустных кочерыжек) метались путиловцы в окружении белых банд. Как деревенская шавка за бронепоездом увязалась бронированная дрезина, вооруженная горной пушечонкой. Большого вреда она не приносила, но держала путиловцев в беспрерывном напряжении до тех пор, пока удачным попаданием не была разнесена в клочья. Уже по станциям, занятым полчищами Юденича, во все концы рассылались телеграммы: «Бронепоезд путиловцев в наших руках». Аэропланы продолжали преследовать бронепоезд. Кавалерийские разъезды взрывали железнодорожные пути то впереди, то позади, стремясь приковать бронепоезд к небольшому участку дороги.

Казалось, не выйти из кольца белых войск. Но воля команды бронепоезда, имевшей во главе комис-

сара Ивана Газа, ломала препятствия. Путиловцы восстанавливали путь метр за метром, отвоевывая дорогу к своим.

После трехдневных боев бронепоезд вышел к Гатчине, сдерживая наступление белых; отсюда он был переброшен на станцию Тосно, чтобы в числе других частей Красной армии не дать белогвардейцам перерезать Николаевскую железную дорогу. Когда эта опасность миновала, бронепоезд опять двинулся на фронт у станции Александровская.

Снова собрал комиссар коммунистов, а затем и всю команду бронепоезда.

— Положение донельзя серьезное, — сказал Газа. — Вот телеграмма Ильича «Петрограда не сдавать». — Он вынул небольшую бумажку. Необычным, чуть дрогнувшим голосом Газа прочитал телеграмму В. И. Ленина Петроградскому Совету, посланную 14 октября; затем обращение Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда от 17 октября. Медленно читал комиссар пламенные слова В. И. Ленина:

«Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!».[1]

Иван Газа обвел рукой горизонт, где за туманной дымкой находился Петроград, и сказал:

«Дальше отступать нельзя, дальше Петроград».

Бойцы, не раз встречавшие на своем пути угрозу смерти, подняли на комиссара глаза: «Отступать мимо Путиловского завода, мимо Нарвской заставы не будем».

Героический петроградский пролетариат вместе с Красной армией, руководимый коммунистической партией, отстоял Петроград, разгромил и выгнал за пределы Советской земли белогвардейские банды Юденича.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 488.

В одной из белогвардейских газеток белый офицер, оценивая боевые действия под Петроградом, писал: «Некоторые отряды, составленные из коммунистов или матросов, и в самом начале нашего наступления, окруженные белыми полками, не имея никакой надежды на спасение, все же не сдавались, а все гибли геройской смертью.

Крайнюю самоотверженность проявляли и советские курсанты, команды бронепоездов, из которых большой преданностью к советской власти отличалась команда «Ленина».

За самоотверженность и геройство, проявленные в боях, красноармейцы и комсостав бронепоезда № 6 были награждены денежными и вещевыми наградами. Иван Газа Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом был награжден за храбрость именными золотыми часами.

В конце 1919 года, оправившись от полученных ран, бронепоезд № 6 ушел на фронт против белополяков. В боях под Режицей из-за коварства предателя-стрелочника путиловцы попали в тяжелое положение — бронепоезд сошел с рельс. Но благодаря решительным мерам командования тяжелые броневые площадки под огнем противника были подняты и направились в район Двинска, где приняли участие в серьезнейших боях против поляков.

4 января 1920 года бронепоезд попал в ловушку. И сзади и спереди пути были разобраны или минированы. Поезд оказался отрезанным от своих частей. Сверху налетали аэропланы, бросали бомбы, железнодорожное полотно находилось под обстрелом неприятельских пулеметов. Положение было угрожающим. Необходимо было незаметно снять пироксилиновые шашки, внезапным рывком выскочить из кольца окружения и ударить по врагу.

Иван Газа решил сам пойти на серьезнейшую операцию — освободить путь от пироксилиновых шашек. Захватив инструмент — клещи-кусачки, нож и топор, он пополз вдоль полотна. Продвигался медленно, прикрываясь за шпалы, глубоко зарываясь в снег. Снег забирался за шинель, в сапоги, кругом зве-

нели пули, но Газа, не останавливаясь, полз все вперед. За ним в снегу протянулась длинная узкая колея. Наконец он добрался до минированного участка пути, стал снимать прикрепленные к рельсам пироксилиновые шашки. Он действовал осторожно, чтобы не быть застигнутым пулей раньше, чем снимет все взрывчатые вещества. Но пуля настигла его, навылет пробив грудь и легкое. Обливаясь кровью, Газа не оставил героической работы и полностью очистил железнодорожный путь. Вернуться обратно на бронепоезд у него нехватило сил. Подтянувшись к краю путевой насыпи, он покатился вниз.

Бойцы долго ждали возвращения комиссара. Не дождавшись, поползли разыскивать и нашли его истекающим кровью. Комиссара принесли на бронепоезд. По его приказу тотчас же двинулись вперед и отогнали белополяков. Задание командования было выполнено. Враг был выбит из укрепленного пункта. Красные части сумели перейти в наступление и далеко отбросили белополяков, захватив новые позиции в 50 верстах северо-восточнее Двинска.

За героизм и мужество, проявленные в этом бою, Иван Газа был награжден орденом «Красное Знамя».

Бой 4 января 1920 года был последним, в котором участвовал Газа в гражданской войне. К моменту его выздоровления после опасной раны фронты уже были ликвидированы. Советская страна, разгромив белогвардейцев и интервентов, закончила войну и переходила на мирное строительство. Иван Газа остался в армии. Сначала он занимал должность военкома гаубичного дивизиона, затем был переведен на должность помощника начальника бронечастей Петроградского военного округа по политической части и, наконец, в 1924 году стал начальником и комиссаром броневых сил округа.

Газа держал крепкую связь с заводом, к этому времени уже развернувшим производство почти во всех цехах. По предложению Газа путиловцы приняли шефство над бронечастями округа, и в эти трудные времена строительства Красной армии, перестраивавшейся по плану М. В. Фрунзе, путиловцы много помогли

броневым частям: ремонтировали казармы и машины, помогли в воинских частях устроить мастерские и красные уголки. Иван Газа говорил рабочим:

— Мы одни из первых начали строить советские броневые части, и поэтому никогда не должны забывать о них, и больше, чем кто-либо, должны помогать их укреплению на страх всем врагам.

Военным комиссаром Иван Газа пробыл до конца 1925 года, когда в очень острый для партии момент был послан на партийную работу на «Красный путиловец», где он вырос, воспитался и чье имя высоко держал на многочисленных фронтах гражданской войны.

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

По приказу партии Иван Газа вернулся на «Красный путиловец» в конце 1925 года, в момент, когда на заводе подняла свою преступную голову кучка сторонников Зиновьева и Каменева, формировавших из антипартийных элементов в Ленинграде так называемую «новую оппозицию».

Не в первый раз Газа приходил на завод, чтобы вместе с парторганизацией завода бороться против враждебных партии уклонов. В 1923 и 1924 годах он часто бывал в путиловских цехах, разоблачал мелкобуржуазную сущность троцкизма, клеветнические выступления Троцкого против партии и ее вождя Ленина. И теперь, когда против партии и ее ленинского Центрального Комитета выступила антипартийная зиновьевская группа, Газа снова со всей большевистской страстностью повел решительную борьбу против предателей, пытавшихся в этот исключительно сложный политический момент сбить партию с ленинского пути и потянуть страну на путь восстановления капитализма.

Подлые штрейкбрехеры Октября — Зиновьев и Каменев — выступили против ленинско-сталинской теории построения социализма в Советской стране. Главным оружием в их арсенале борьбы против партии и ее руководства был контрреволюционный тезис

троцкизма, отрицавший возможность победы социализма в нашей стране.

На происходившем в декабре 1925 года XIV партийном съезде зиновьевцы противопоставили генеральной линии партии, направленной на индустриализацию страны Советов, укрепление ее обороноспособности и создание всех условий для победы социализма в СССР, свою программу капиталистической реставрации, отказа от индустриализации страны. По их плану СССР должен был остаться страной аграрной, зависимой от капиталистических держав. Классовые враги внутри Советского Союза и международный империализм приобрели в лице троцкистско-зиновьевской оппозиции своих верных союзников, яростных защитников и тайных агентов.

На XIV съезде коммунистической партии товарищ Сталин разоблачил буржуазно-капитулянтские установки так называемой «новой оппозиции». Съезд осудил антипартийный уклон, призвал партию повести решительную борьбу против попыток троцкистов и зиновьевцев взорвать партию изнутри, против их капитуляции перед буржуазией, постановил широко развернуть хозяйственное строительство и укрепить экономические позиции диктатуры пролетариата.

Иван Газа появился на заводе в дни работ XIV съезда партии, как только стало известно об антипартийном поведении ленинградской делегации, выставившей своего содокладчика по политическому отчету Центрального Комитета партии. Этот неслыханный факт противопоставления себя партии поразил Газа. В процессе подготовки к съезду Газа понимал, что зиновьевцы затевают антипартийные дела, собирают свои силы, устраивают фракционные собрания и всяческими подлыми путями устраняют неугодных им людей, преданных партии и ее ленинскому ЦК. И на себе Газа чувствовал злобно-неприязненное отношение тогда еще скрытых оппозиционеров. На VI Московско-Нарвскую районную партийную конференцию, состоявшуюся в ноябре 1925 года, его не пригласили, тогда как прежде его, как представителя подшефных заводу частей Красной армии, постоянно приглашали

на конференции, а до 1925 года он даже состоял членом районного комитета партии.

Посоветовавшись со старшими товарищами, Газа решил, что его партийный долг снова явиться на завод, чтобы рассказать рабочим-коммунистам правду, которую от них тщательно скрывали зиновьевцы. На заводе в оппозиционном бюро коллектива Газа встретили враждебно: «Тебе здесь нечего делать, иди себе, комиссарствуй», — заявили ему зиновьевцы.

Газа, напротив, решил, что именно теперь, больше чем когда бы то ни было, ему есть что делать на заводе. Он связался со знакомыми партийцами и через них и вместе с ними начал вести разъяснительную работу среди коммунистов-путиловцев. Рассказывал им о позорном поведении ленинградской делегации, разъяснял, как Зиновьев и его группа извращают ленинизм; говорил о том, какую опасность в действительности представляет в деревне кулак и как оппозиционеры криками о кулацкой опасности маскируют свое капитулянтство и панику. Вспоминал и позорную измену Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни 1917 года.

Так Газа и его товарищи изо дня в день сплачивали вокруг линии партии путиловских коммунистов.

Заводская парторганизация, как и вообще партийные массы Ленинграда, была плохо осведомлена о том, что происходит на съезде, в чем сущность выступлений оппозиции. Работа Газа и других немногих осведомленных членов партии, проводившаяся полулегально, охватывала лишь незначительное число коммунистов. Троцкисты и зиновьевцы не пропускали на завод центральные газеты, пичкали рабочих оппозиционной клеветнической литературой и, держа в своих руках аппарат заводской партийной организации, выгоняли из завода сторонников партии и ее Центрального Комитета, не допускали их даже на партийные собрания.

Когда на съезде оппозиция потерпела полное поражение, зиновьевцы спешно бросились в Ленинград, чтобы организовать поддержку своему антипартийному поведению на съезде. Особенное внима-

ние они обращали на «Красный путиловец», намереваясь авторитетом крупнейшей парторганизации воздействовать на другие партийные ячейки.

Но их попытка опереться на путиловскую парторганизацию была отбита. Газа созвал старых путиловских большевиков, работавших на Путиловском заводе и вне его. По его инициативе было написано обращение к парторганизации завода. Это обращение сразу пробило брешь в стене демагогии, лжи и словесного тумана, которыми зиновьевцы окружили завод. Партийцы стали требовать осуждения поведения ленинградской делегации. Зиновьевцы, прикрываясь авторитетом губкома и райкома, запрещали созывать собрания ячеек. Они задерживали распространение центральных газет и съездовской литературы, усилили охрану и распорядились не пропускать никого из группы партийцев, организованных Иваном Газа. Ему же лично категорически было запрещено появляться на заводе. Но Газа не прекратил агитации за линию ЦК партии. 28 декабря его как «чужого» не пропустили на собрание партактива района, где преждевременно приехавшие делегаты съезда зиновьевцы пытались заручиться поддержкой оппозиционного актива.

Газа у дверей помещения вел разговоры с коммунистами. Постепенно вокруг него образовалось отдельное собрание. На морозе Газа говорил больше двух часов. Он находился в необычайном возбуждении и, несмотря на угрозы зиновьевцев «заткнуть глотку» и «выбросить», продолжал разоблачать их.

Огромную помощь и ясные указания, как энергичней разгромить оппозицию на «Красном путиловце», Газа и другие работники-путиловцы получили от приехавших 29 декабря в Ленинград членов президиума XIV съезда партии — Серго Орджоникидзе и Сергея Мироновича Кирова.

Встреча путиловцев с членами ЦК партии произошла 29 декабря вечером, после собрания партактива Выборгского района. Товарищи Орджоникидзе и Киров помогли путиловцам понять свои задачи в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции.

На заводе было созвано несколько цеховых партсобраний. Коммунисты тотчас же потребовали от оппозиционного бюро коллектива созвать собрание, чтобы обсудить обращение съезда «Ко всем членам Ленинградской организации» и поведение ленинградской делегации. Организатор коллектива матерый зиновьевец Александров категорически запрещал ячейкам собираться. Вместе со своими подручными он ходил по цехам, разгонял собрания коммунистов, если они собирались хотя бы для того, чтобы поговорить между собой или совместно почитать съездовскую литературу. Как гончие собаки гонялись оппозиционеры за теми, кто по их мнению проносил в завод партийную литературу. Для этой цели Александров организовал полубандитскую дружину.

Газа угрожали избиением, говорили, что «физически выбросят его за ворота». Но Газа каждодневно рано утром, пользуясь имевшимся у него постоянным пропуском, проскальзывал в завод. Не всегда, правда, ему удавалось организовать собрание: то красный уголок оказывался на замке, то вдруг оппозиционеры перережут провода, то угрозами, насилием и криками разгонят собравшихся коммунистов. С благословения вожаков оппозиции — Зиновьева и других — среди части оппозиционеров уже тогда культивировались элементы фашистско-террористических методов борьбы против партии.

Все более сильный поток партийной литературы, минуя многочисленные рогатки, шел на завод. Все быстрее рассеивался оппозиционный туман, и из-под ног оппозиции уплывала почва. Только 4 января 1926 года оппозиционеры решились созвать первое послесъездовское собрание актива, и тут обнаружилось, что оппозиция не найдет на заводе поддержки. А с приездом в Ленинград (5—6 января) членов ЦК партии — Молотова, Калинина, Кирова, Ворошилова и Андреева — положение оппозиции на «Красном путиловце», как и во всем Ленинграде, окончательно пошатнулось. Стало ясным: развеются демагогия и ложь оппозиционеров, и гаденькие капитулянты и паникеры предстанут во всей своей неприглядной омерзительной наготе.

В первой половине января 1926 года во главе Ленинградской организации встал С. М. Киров. Он сплотил вокруг себя крепких и преданных бойцов партии, организовал их и нанес оппозиции сокрушительный удар. Иван Газа, работая под руководством товарища Кирова, почувствовал, каким аккумулятором большевистской энергии и воли является этот человек, как великолепно может он руководить, учить, как может заряжать своей неиссякаемой энергией.

Дни и ночи проводил Газа в заводе, в мастерских, среди коммунистов. К нему сходились все нити связей, все сведения о каждодневных успехах. Мастерская за мастерской, ячейка за ячейкой принимали резолюции против оппозиции. Близился день общезаводского собрания — день полного краха зиновьевщины на «Красном путиловце».

Тогда оппозиционеры, чтобы возбудить антипартийные настроения среди коммунистов и беспартийных рабочих, пустились на провокацию. По заводу, а через него по району были пущены слухи, что из-за отсутствия топлива закроется мартен, а затем, конечно, прокатные мастерские, которые без мартеновской болванки работать не могут. Зиновьевские провокаторы надеялись путем этих слухов взбудоражить рабочих и партийцев и на общезаводском собрании коммунистов, воспользовавшись этим, заполучить большинство. Их тайный и подлый умысел был разгадан большевиками. Газа сообщил об этом в Губком партии, возглавлявшийся С. М. Кировым. Контрреволюционная вылазка оппозиции немедленно была разоблачена.

17 января 1926 года в «Ленинградской правде» появилось разъяснение: «...такие слухи в отношении завода «Красный путиловец» являются ни на чем неосновванными. **Совершенно очевидно, что их распространяют враги рабочего класса, безнадежно пытающиеся использовать в провокационных целях каждое наше затруднение».**

20 января, наконец, состоялось первое послесъездовское общее собрание коммунистической организации «Красного путиловца». На собрание прибыли члены ЦК — Молотов, Калинин, Киров, Ворошилов

и Андреев. В этот день оппозиция потерпела полное поражение на заводе. В блестящих речах Молотова, Калинина и Ворошилова была полностью разоблачена капитулянтская и демагогическая «программа» троцкистско-зиновьевской оппозиции. Подавляющим большинством голосов собрание осудило поведение и линию зиновьевцев и полностью одобрило решения съезда. Собрание постановило распустить бюро коллектива и поручило тут же выбранной организационной пятерке немедленно принять дела у бюро и в кратчайший срок провести перевыборы.

Составляя отчетную карточку о собрании, Газа подводил итог недолгой, одномесячной работе по разгрому контрреволюционной зиновьевской оппозиции. С большим удовлетворением отмечал он, что общезаводское собрание коммунистов «Красного путиловца» выразило недоверие оппозиционным бюро коллектива и райкому и что краснопутиловская парторганизация твердо стоит на позициях ленинского Центрального Комитета.

26 января Иван Газа был введен в состав бюро районного комитета партии. 1 февраля бюро обратилось в Политуправление Ленинградского военного округа с ходатайством о демобилизации Газа, «вследствие того, что он несет в районе партийную работу и пользуется необходимым авторитетом в районе в силу активной и твердой линии, занятой им с самого начала дискуссии».

4 февраля на пленуме заводского коллектива решался вопрос об избрании нового бюро коллектива.

С докладом об итогах отчетной кампании по решениям XIV съезда выступил Сергей Миронович Киров.

— Главное в решениях съезда, — говорил Сергей Миронович, — это вопрос о строительстве социализма в нашей стране.

С. М. Киров развернул грандиозный сталинский план построения социализма. В его словах были огромная внутренняя сила, вера в правильность генеральной линии партии, вера в силы рабочего класса. Этой верой он вдохновил собрание:

«Мы 8 лет строим новое социалистическое обще-

ство и прошли самую трудную дорогу для обеспечения существования рабоче-крестьянского государства. Мы были в нищете, голоде, но гордо, невзирая на это, камень за камнем, понемножку делали великую работу — защищали свою республику, свое рабоче-крестьянское государство от всяких внешних поползновений.

Если мы впредь сумеем сохранить жизненность союза многомиллионного крестьянства с рабочими и если наряду с этим не потеряем того компаса, который оставил нам родоначальник нашей партии и советского государства товарищ Ленин, мы эту задачу осуществим... На основе решений XIV партсъезда будем продолжать великую работу».

Воодушевленные С. М. Кировым, краснопутиловцы приступили к выборам нового бюро коллектива, способного по-большевистски и быстро довершить разгром контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции на заводе, способного мобилизовать весь рабочий коллектив на выполнение грандиозных задач по индустриализации страны.

Организатором коллектива (секретарем парткома) был избран стойкий большевик Иван Газа, ставший с первой встречи вдумчивым учеником и верным соратником вождя ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова.

* * *

На XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской организации ВКП(б), происходившей 10—12 февраля 1926 года, были подведены первые итоги по разгрому антипартийной зиновьевской оппозиции в Ленинграде. Свыше 97 процентов всех коммунистов, присутствовавших на отчетных собраниях, полностью одобрили решения XIV съезда партии и осудили антипартийную зиновьевскую оппозицию. Ленинградские большевики остались в первых рядах партии Ленина — Сталина.

Делегат от партколлектива «Красного путиловца», докладывая конференции о полной изолированности оппозиции на заводе, говорил:

«На последнем пленуме нашего коллектива, когда были выборы бюро коллектива, большинством против одного при 16-ти воздержавшихся, был выбран новый штаб для руководства нашей работой. Оппозиция говорила, что актива не было. А вот, во вторник на этой неделе было собрание актива, которое показало, что тот актив, о котором они говорили, что он не будет наш — этот актив идет в наших рядах, вместе с партией».[1]

В этом, в первую очередь, и состояла заслуга нового организатора коллектива — Ивана Газа. За короткое время он сумел сплотить партийный актив и нанести оппозиции на заводе решающие удары. Он быстро освоился с партийной работой и разобрался в условиях, в которых ему приходилось действовать. Этому в огромной степени способствовало твердое, неослабевающее и всегда конкретное руководство С. М. Кирова, любовно и внимательно воспитывавшего новых партийных работников. Следуя указаниям С. М. Кирова, Газа вникал во все области работы и смело выдвигал на партийную работу новых людей.

Условия для партийной работы на заводе были сложными и трудными. Заводская партийная организация, насчитывавшая около двух тысяч членов и кандидатов партии, по составу была довольно пестрой. Основное ядро парторганизации составляли кадровики-путиловцы, старые рабочие, но в партийном отношении это в большинстве были молодые коммунисты, едва имевшие по году-полутора партийного стажа. Около 90 процентов всей парторганизации состояло из коммунистов со стажем с 1924 года и 1925 года. К тому же в парторганизации насчитывалось немало новых рабочих — выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни, работавших на производстве впервые и притом недавно.

С первых же дней работы в качестве организатора коллектива Газа, по указаниям С. М. Кирова, развернул широкую сеть кружков по изучению материалов и ре-

[1] Стенографический отчет XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской губернской организации ВКП(б), „Прибой", 1926, стр. 41.

шений XIV партконференции и XIV съезда партии. Он тщательно следил за проведением учебы, присутствовал на занятиях многих кружков и сам руководил партийным кружком в мартеновской мастерской. Вооружаясь решениями партсъезда, партийная организация закалялась и сплачивалась вокруг генеральной линии партии, вокруг задач, поставленных партией перед «Красным путиловцем».

В эту пору завод осваивал серийное производство тракторов и готовился перейти к массовому производству «фордзонов-путиловцев». Оппозиционеры шипели и каркали, что из этого ничего не выйдет, дискредитировали дело советского тракторостроения, говорили, что делать сложные машины «мы не умеем», а потому и не следует за это браться. Газа ответчал оппортунистам: «Не умеем — поучимся. У нас есть рабочие, которые умеют работать, хотят работать и выпускают такие вещи, которые могут считаться гордостью для Европы. В смысле уменья работать мы имеем опыт, и кадр рабочих нашего завода это подтверждает».

Глубоко веря в силы и способности рабочего коллектива краснопутиловцев, Газа вдохновлял этой верой первых строителей тракторов. Он подчеркивал то, чему учил его С. М. Киров: трактора — необычные машины. Это машины, с помощью которых партия сумеет окончательно похоронить капитализм в Советской стране. Это машины, которые совершат революцию в деревне, утвердят социализм в сельском хозяйстве.

В 1926 году в одной из своих статей Газа писал:

«У путиловцев нет и тени сомненья в том, что самое трудное уже пройдено и осталось позади, но, вместе с тем, они ясно себе представляют, что и впереди лежащий путь не на всем протяжении является гладко укатанным.

Знают они, что будут еще трудности на пути строительства социализма, но в сердцах их нет ни малейшего сомнения, что все препятствия коллективной волей всех трудящихся Советской страны, под руководством ВКП(б) будут преодолены!

Знают они, что хотя и медленно, шаг за шагом, но неуклонно мы приближаемся к заветной цели трудящихся — к социализму!»

Производство тракторов стало в центре внимания парторганизации. Рабочие отбрасывали зиновьевских капитулянтов прочь и с помощью бюро коллектива преодолевали огромные трудности, стоявшие на пути введения массового производства тракторов.

Немало трудностей было на заводе и в других отраслях производства: необходимо было полностью восстановить прокатку, инструментальное хозяйство, перестроить мартен; надо было бороться за новый тип паровоза, который вырабатывался на заводе. А, главное, нужно было перевоспитывать старых и учить новых рабочих иному, новому отношению к труду на социалистическом предприятии. Растленная зиновьевщина принесла немало вреда именно в этом отношении. Отрицая социалистический характер государственных предприятий и подыгрываясь под настроения отсталых слоев рабочих, зиновьевцы культивировали антигосударственное отношение к заводу и к труду и выступали как организаторы антисоветских «волынок».

Разоблаченные и разгромленные партией, лишенные опоры в партийных массах зиновьевцы вошли в блок с откровенными троцкистами и стали на путь организации второй партии — партии реставраторов капитализма. Они создавали подпольные фракционные организации, устраивали тайные собрания, распространяли антипартийную литературу. В своей подрывной деятельности троцкистско-зиновьевский блок смыкался с контрреволюционными элементами, боровшимися против Советской власти. Основным методом борьбы блок избрал подлое двурушничество, демагогию, обман и, в конце концов, скатился в болото фашизма превратившись в оголтелую банду шпионов, террористов, диверсантов и вредителей.

Осенью 1926 года троцкистско-зиновьевский блок предпринял новую атаку на партию. Крупнейшие лидеры оппозиции появились на рабочих коллективах Москвы. Они попытались внести смятение в ряды пар-

тии, навербовать себе сторонников. 4 октября, как только об этом стало известно в Ленинграде, Газа собрал партийный актив завода. Он сообщил коммунистам об этих антипартийных вылазках руководителей оппозиционного блока, предупредил, что «если они прибудут в Ленинград, то наверное в первую очередь будут у нас». «Но я уверен, — продолжал Газа, — что наш коллектив сумеет дать им должный отпор, как бы ни была тяжела их артиллерия». Собрание вынесло резкую резолюцию против фракционных вылазок оппозиции и снова выразило свою преданность и доверие Центральному Комитету партии и его руководителю товарищу Сталину. 7 октября собрался очередной пленум парткоплектива «Красного путиловца». На собрание пришли Зиновьев и другие заправилы оппозиционного блока. Газа, избранный председателем, сделал краткое сообщение о раскольнических выступлениях лидеров оппозиции в Москве, пытавшихся вновь открыть дискуссию по уже решенным партией вопросам.

В своих речах рабочие резко бичевали антипартийные фракционные выступления оппозиции. Они говорили, что троцкисты и зиновьевцы мешают работе рабочего класса, который с энтузиазмом взялся за великое дело индустриализации страны. Они клеймили позором капитулянтов, стремившихся свести партию с ленинского пути, клеймили их преступные действия, подрывавшие единство ленинской партии. И когда Зиновьев — этот матерый двурушник — попытался опрокидывать решения партии, то по постановлению собрания был лишен слова. В ответ на демагогию оппозиционеров и их атамана Зиновьева с блестящей речью выступил Сергей Миронович Киров. Он вышел из задних рядов президиума и широкими шагами подошел к трибуне. Краснопутиловцы уже хорошо знали Мироныча и встретили его бурным восторгом.

Товарищ Киров окончательно разоблачил преступную фракционную деятельность троцкистско-меньшевистской оппозиции. Он показал, что такая деятельность прямо ведет в лагерь контрреволюции, куда с каждым своим шагом все ближе и ближе подходит

оппозиционный блок. Камня на камне не оставил С. М. Киров от демагогии Зиновьева и Евдокимова. Его речь много раз прерывалась аплодисментами.

В заключение С. М. Киров сравнил Советскую страну с кораблем, отчалившим от берегов капитализма, но еще не приставшим к берегу социализма. С. М. Киров призвал краснопутиловцев держать курс к этому берегу, руководствуясь ленинским компасом и ведя беспощадную борьбу с людьми, которые пытаются посадить этот корабль на мель.

Больше десяти минут краснопутиловская парторганизация бурно приветствовала трибуна ленинградских рабочих, так просто и ярко выразившего их волю, их чувства и мысли. Голосование резолюции показало, что краснопутиловская парторганизация твердо стоит на позициях партии. Результаты голосования были следующие: 1512 голосов за линию партии, за недопустимость фракционной, раскольнической деятельности оппозиции и только 23 голоса за троцкистско-зиновьевский антипартийный блок.

На XV Всесоюзной партконференции в своем выступлении Газа рассказывал о вылазке оппозиции на заводе. Он заявил от имени двух тысяч коммунистов «Красного путиловца»:

«Мы в течение этих 10 месяцев сделали все, для того чтобы партийная организация нашего завода осталась на ленинских рельсах. И я полагаю, что никакой подпольной работой и никакими гастролерскими наездами с этих рельс ее больше не собьешь». [1]

Потерпев полный и позорный провал на «Красном путиловце» и «Треугольнике» в Ленинграде, на ряде предприятий в Москве и в других городах, троцкисты и зиновьевцы перешли к тактике обмана партии лживыми фарисейскими заявлениями о прекращении фракционной борьбы. На деле же они продолжали подрывную антипартийную работу, сколачивали свою нелегальную антиленинскую партию. Двурушничество они избрали как систему сохранения себя в партии.

---

[1] XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, Гиз, 1927, стр. 646.

К их заявлениям о признании ими генеральной линии партии следовало относиться настороженно, за их словами надо было уметь разглядеть их дела, направленные к подрыву единства партии.

Этой настороженности в отношении к оппозиции Газа учился у С. М. Кирова. Сергей Миронович предупреждал ленинградских большевиков, что оппозиция маскируется, она намерена и дальше бороться против партии.

«Что касается их заявлений, — говорил Киров, — то, несмотря на все их внешне выраженное желание пойти навстречу партии, поверить в их искренность, отнестись к ним с полным доверием трудновато».[1]

С. М. Киров обращал внимание ленинградских большевиков и особенно внимание руководителей краснопутиловской организации на то, что «Красный путиловец» в расчетах оппозиции занимает одно из первых мест:

«Не подлежит сомнению, — говорил Киров, — что у оппозиции была определенная ставка на Ленинград, иначе трудно объяснить таинственную поездку и появление Зиновьева в Ленинграде, на Путиловском заводе. Они рассчитывали, что достаточно появиться Зиновьеву на Путиловце, тряхнуть своими аргументами, и все будут за ним. Оказалось не то. Это имело огромное значение. Теперь едва ли у кого-нибудь может теплиться мысль, что оппозиция в каком-нибудь месте может иметь успех. Провал оппозиции в Ленинграде был последним аккордом...

...Мы должны в дальнейшем вести работу по разоблачению оппозиции, по воспитанию членов партии в деле усвоения разногласий. Надо не почивать на лаврах, а попрежнему быть на боевых постах, и тогда мы обеспечим и в дальнейшем единство партии, столь необходимое для нашей творческой работы по строительству социализма».[2]

«Нельзя почивать на лаврах» — в справедливости этого напоминания товарища Кирова убеждались Газа и все коммунисты-краснопутиловцы каждодневно. И все

---

[1] С. Киров, Статьи, речи, документы, т. III, 1936, стр. 218.
[2] Там же, стр. 219, 220.

последующие годы Газа решительно боролся против маскировавшихся врагов партии, скатывавшихся и, наконец, окончательно скатившихся в болото контрреволюции.

На XV съезде партии Газа рассказывал об огромной работе путиловской парторганизации, крепко сплотившейся вокруг генеральной линии партии.

«Мы начали серьезную и большую работу в смысле подготовки низового партийного актива, и имеем соответствующие результаты... мы именно за эти два года достигли в вопросах внутрипартийной демократии таких результатов, которых два года назад не могли и предполагать.

...мы можем заявить, что именно теперь больше, чем когда-либо, спайка между рабочим классом и нашей партией закреплена.

...Я на заводе третий раз присутствую при заключении коллективного договора. Поскольку оппозиция пыталась свести настроения рабочих к рвачеству — брось лишний рубль, и рабочие пойдут за тобой, — на этом деле она потерпела крах. Последнее обсуждение колдоговора говорит о том, что рабочий сознательно подходит к вопросам и заработной платы и самой производительности труда».[1]

Сочетание идейного разоблачения оппозиции с практикой подготовки и воспитания новых партийных кадров, развертывание партийно-массовой работы, внутрипартийной демократии и самокритики, перенесение центра тяжести работы в низовую партийную организацию — цеховую ячейку и звено — таковы были методы, которыми работал Газа и которым учился он у Сергея Мироновича Кирова, вырастая в крупного партийного работника.

* * *

Борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией составляет славную страницу в жизни Ивана Газа. Но не менее славной страницей является его остальная повседневная, незаметная, воспитательная и организатор-

---

[1] XV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, Гиз, 1928, стр. 156, 157.

ская работа в парторганизации и во всем рабочем коллективе краснопутиловцев.

Газа входил во все детали общественно-политической работы на заводе. Он организовал первую в заводе многотиражную стенгазету, сам принимал участие в оформлении ее первых номеров и часто писал статьи. Он помогал молодежи, направлял работу комсомольской организации. Сам опытный слесарь, Газа знал и ценил мастерство высокой квалификации. Он дружил со стариками, которые его любили настоящей отцовской любовью и во всех своих неудачах, горестях и радостях шли к Ване Газа. От стариков Газа узнавал о происходящем на производстве. От их опытного взгляда не ускользала ни одна мелочь. В силу установившейся традиции, там, где эта мелочь угрожала перерасти в крупный недочет в работе, старики шли к Газа за помощью.

Сам Газа беспрестанно учился ленинизму. Не было более частого завсегдатая заводского культкабинета, чем секретарь коллектива. Он попрежнему руководил партийным кружком, пользовался наглядными пособиями, новейшей литературой. Газа был одним из самых аккуратных читателей заводской библиотеки. Книгу он любил той особой любовью настоящего читателя, который не может пройти равнодушно мимо книжной новинки. Свои книги он любовно переплетал и тратил на них значительную часть заработной платы.

Много сил и энергии вложил Газа в тракторостроение — в эту новую область машиностроения, впервые вводимую в Советской стране. Бесчисленное количество препятствий стояло на пути этого нового дела. Некоторые рабочие не умели работать точно, и Газа старался, чтобы заводоуправление обучало их. Специалисты старой школы недоверчиво относились к возможности освоить массовое производство тракторов, и все усилия направляли к тому, чтобы превратить путиловские цеха в мастерские, собирающие трактора из деталей, закупаемых у Форда.

Газа вместе с парторганизацией цеха, со старыми, опытными рабочими изыскивал способы выхода из-под зависимости от фордовских деталей.

Большую часть времени Газа проводил в цехах. Его худощавая, гибкая фигура появлялась всюду, где был затор, где решался выпуск трактора, паровоза или драги. Он много говорил тракторщикам о той огромной роли, которую играет создаваемая ими машина в планах социалистического строительства. Рассказывал о том, какое внимание оказывает заводу партия в лице ее руководителей, в особенности Сергея Мироновича Кирова.

Настоящий и горячий пафос звучал в словах Газа, когда он говорил рабочим о вожде партии Сталине, по плану которого по всей стране шла великая социалистическая стройка. «Красный путиловец» также строился и перестраивался в соответствии с указаниями товарища Сталина. Газа неоднократно получал эти указания лично. Когда в 1928 году ему передали, что по вопросу о выпуске 3000 тракторов «Сталин очень просил налечь на это дело», Газа принял это как закон и много сил положил на то, чтобы выполнить указание вождя. Он мобилизовал рабочих и парторганизацию тракторной, которые горячо откликнулись на призыв партии и товарища Сталина дать требуемое количество машин. И краснопутиловцы в 1928 году вместо 3000 тракторов дали 3050 тракторов и при этом снизили себестоимость трактора на 8 процентов. А в следующем году вместо ранее намечавшихся 5000 тракторов выпустили 8536 тракторов.

В том, что коллектив тракторщиков и парторганизация сумели с честью выполнить задание партии, огромная роль принадлежала Сергею Мироновичу Кирову. Киров внимательно следил за ходом тракторного производства. Ему первому становился известным каждый успех на производстве. При неудаче тракторщиков он спешил им на помощь. Газа испытывал на себе его внимание, заботу и настойчивость. Рано утром, поздно вечером, днем, в любое время мог раздаться звонок Мироныча, или он неожиданно приезжал. С. М. Киров спрашивал, как идут дела, нет ли задержек, нужна ли помощь, в чем и какая. Слово, данное Кирову, Газа сдерживал во что бы то ни стало. Он спешил передать Миронычу радостную весть, если

всю ночь сборка работала без перебоев. Торопился сообщить Кирову и тогда, когда происходил затор, прорыв. Каждый разговор с Кировым, каждая встреча обогащала. С. М. Киров сразу находил корень вопроса, самые, казалось, запутанные и сложные вопросы разрешал быстро и ясно, вытаскивая основное звено, уцепившись за которое можно было вытянуть всю цепь.

Но основным из основных звеньев С. М. Киров считал работу в массах, связь с массами, организацию масс. Массовик-организатор по натуре, по своим личным склонностям, Газа как губка впитывал кировский стиль работы. Тракторное производство сразу было поставлено под особый надзор масс. Сюда Газа посылал лучших агитаторов, организаторов — партийных и профсоюзных работников. Партийные звенья здесь были крепче, чем в других цехах, и строились по строго производственному принципу—участок, бригада. Это способствовало тому, что массово-воспитательная работа коммунистов сочеталась с их передовой производственной работой, и они увлекали за собой беспартийные массы.

Борьба за советский трактор — рычаг коллективизации — была превращена в дело самих рабочих масс.

В тракторостроении в эти годы резче всего ощущался тот огромный поворот, который совершался в миллионных массах трудового крестьянства. Каждый день в парткоктив приходили десятки писем с разных концов страны от колхозов, деревень, сельсоветов, райисполкомов. Крестьяне благодарили за тракторы, а иногда и ругали, если им попадалась машина невысокого качества. Десятки колхозов претендовали на получение имени «Красный путиловец», просили принять над ними шефство, установить связь. Балашевский райисполком прислал собранные крестьянами 5000 центнеров муки «на усиление индустриализации в оборотный капитал завода, для усиления выпуска тракторов». Колхоз «Октябрь» Кувшинского района Узбекской ССР прислал рабочим в подарок вагон фруктов и пригласил рабочую делегацию для ознакомления с успехами социалистического строительства в Узбе-

кистане. Крестьяне села Коломышево Центральной черноземной области организовали колхоз «Рабочий-путиловец» и вызвали на соревнование завод. Три сельсовета — Зимаровский, Бахметьевский и Николо-Высельский — организовали школу II ступени, дали ей имя «Красного путиловца» и просили завод принять над ней шефство.

Газа старался, чтобы эти письма, просьбы, требования становились известными рабочим. Письма, в которых крестьяне по-хозяйски критиковали недостатки тракторов или предъявляли требования улучшения конструкции машин, Газа обязательно показывал рабочим и инженерам.

* * *

В конце 1928 года Иван Газа перешел на работу в Московско-Нарвский районный комитет партии. Сначала он был заведующим орготделом, а затем был избран секретарем райкома. Со всем пылом своей энергичной натуры Газа принялся за укрепление партийных организаций на многочисленных предприятиях района. В это время в центре внимания партии стояла задача выполнения плана первого года первой сталинской пятилетки. Партия закладывала основы тяжелой индустрии, способной перевооружить все народное хозяйство. В стране шло гигантское промышленное строительство. Ленинград, крупнейший машиностроительный центр страны, играл огромную роль в деле оснащения новостроек машинами, станками, моторами, турбинами. Московско-Нарвский район с его гигантами — «Красным путиловцем», «Красным треугольником» и «Электросилой», Вагоностроительным заводом, заводом подъемных сооружений, Северной судостроительной верфью, Торговым портом — занимал в Ленинграде одно из первых мест.

От партийного руководителя такого района требовались необычайная гибкость и твердость, уменье быстро нащупать главное, основное в деле борьбы за выполнение плана каждого отдельного предприятия. Надо было живо откликаться на запросы масс, на требования заводов, на каждый затор где бы он ни

происходил. Надо было каждодневно помогать партийным организациям крепить и подымать еще выше трудовой подъем масс, вооружать их на преодоление неизбежных, но вполне преодолимых трудностей, рожденных необычайными темпами социалистического строительства.

Иван Газа показал себя хорошим и талантливым учеником Сергея Мироновича Кирова. Он быстро освоился с огромным районом, ознакомился с особенностями и нуждами каждого завода и каждой фабрики. Всюду и везде он всегда выдвигал на первый план главное: организацию масс, политическую работу среди рабочих, как решающее условие, обеспечивающее преодоление любых трудностей.

За короткое время Газа стал широко известен как крепкий боец партии Ленина—Сталина всему рабочему населению не только Нарвской заставы, где он вырос, но и Московской заставы. Любовно отзывались о нем работницы. «Душевный человек, простой», — говорили работницы «Красного треугольника», текстильщицы, краснопутиловки, скороходовки.

Газа был инициатором внедрения женского труда в тракторных и механических цехах «Красного путиловца» и в других металлопредприятиях района. По его почину впервые в путиловских цехах у слесарных, токарных и шлифовальных станков появились женщины. Он радовался каждому новому шагу работниц, овладевших высокими квалификациями. Одновременно Газа добивался, чтобы на заводах и в районе строились ясли и очаги. Внимания и сил этому он отдавал много, привлекал к организации детских учреждений самих работниц. «Мы никогда не забудем, — писали работницы Нарвской заставы, — с какой любовью и вниманием выпестовал товарищ Газа наши женские делегатские собрания, с какой настойчивостью и большевистской смелостью он выдвигал нас, работниц от станка, из коллектива на руководящую работу».

Накануне XII годовщины Октябрьской революции, когда выяснилось, что ряд предприятий в Ленинграде перевыполнил годовой план первого года первой пя-

тилетки, в массах ленинградских рабочих родился лозунг «Выполним пятилетку в четыре года». Большой заслугой Газа явилось то, что он подхватил почин рабочих «Красного треугольника», выступивших первыми в районе с этим боевым лозунгом, и двинул его на другие предприятия района. В районе поднялась новая волна социалистического соревнования. Эта волна смела многие препятствия, стоявшие на пути выполнения планов ударного квартала (октябрь—декабрь 1929 года).

Через парторганизацию «Красного путиловца» Газа подметил, что кажущееся не совсем добросовестное отношение некоторых старых специалистов вовсе не является плодом их халатности или ошибок, а по сути дела проистекает от каких-то злых намерений.

Газа не упускал эту группу подозрительных специалистов из поля своего зрения и из-под контроля местных парторганизаций. Несколько позже с помощью органов государственной безопасности эти специалисты были разоблачены как контрреволюционеры, вредители и диверсанты — члены промпартии. Они признались, что вели на заводе подрывную работу, но не смогли развернуть ее широко только потому, что были окружены внимательным надзором рабочей общественности, и вредить им мешала активность рабочих масс, поднятая партийной организацией.

В Московско-Нарвском районном комитете Газа пробыл два года. За это время заводы и фабрики района значительно перестроились и обновились. Район был разделен на Московский и Нарвский. Газа остался секретарем Нарвского райкома. Это был крупнейший район Ленинграда. Более чем 219 тысяч рабочих и служащих работало на предприятиях и в учреждениях Нарвского района. Выпуск продукции заводов в 1931 году составлял сумму, доходящую до 800 миллионов рублей. Партийная организация насчитывала свыше 30 тысяч человек, комсомольская — 35 тысяч. Нарвский район был одним из ведущих рабочих районов Ленинграда. В этом немалую роль играл

партийный руководитель района — путиловец Иван Газа.

В конце 1931 года Иван Газа был избран секретарем Ленинградского комитета ВКП(б). Поле деятельности его значительно расширилось. Газа не ослабил своих связей с рабочими и с инженерами. Он бывал на «Красном путиловце», бывал на различных других предприятиях. Он был неусидчив, любил быть среди рабочих, слушать их, учить их и учиться у них. Ежедневно утром, выезжая из дома в Смольный, он объезжал несколько заранее намеченных новостроек домов и заводов, перестраиваемых улиц. Каждый день маршрут его был иным и, приезжая в Смольный, он тотчас же по телефону связывался с руководителями строек и указывал им на замеченные недочеты, на жалобы рабочих, иногда на очковтирательские рапорты руководителей о выполнении программ строительства. Обширная область работы захватила Газа. Он работал не покладая рук. В Смольном, работая с Сергеем Мироновичем Кировым, Газа учился его великолепному стилю работы, его глубокой связи с массами.

С. М. Киров заботливо следил за ростом Газа, помогал ему овладевать искусством большевистского руководства. Он заботился и о здоровье Газа, который, не щадя себя, дни и ночи проводил в кипучей работе. Осенью 1932 года, когда Газа был в санатории в Хосте, Сергей Миронович послал ему телеграмму: «Полученным сведениям собираешься выезжать Ленинград погода Ленинграде безобразная. Решили продлить тебе отпуск до 20 октября, что по ходу работы вполне возможно».

Не получив скорого ответа, С. М. Киров на следующий день отправил вторичную телеграмму такого же содержания. Но Газа уже выехал в Ленинград. Его тянуло назад к работе — к строящемуся и перестраивающемуся Ленинграду, где он чувствовал себя в своей родной стихии созидательного социалистического труда.

Иван Газа вырос за Нарвской заставой и с радостью принимал участие в выработке плана сноса старых построек старой рабочей окраины. На одной

из партийных конференций завода он с большим удовлетворением доложил краснопутиловцам: «За Нарвской мы снесли 27 домов, которые отказались стоять и служить рабочему классу». И тут же развернул план нового жилищного и коммунального строительства, осуществление которого положит конец старой рабочей окраине и превратит ее в благоустроенную часть социалистического Ленинграда. Лично непритязательный и скромный, Газа, говоря об этом, становился самым требовательным: «Рабочий класс, веками живший в конурах, — говорил он, — должен жить и будет жить в светлых благоустроенных домах, на светлых благоустроенных улицах, окруженных садами и парками». В эти минуты Газа загорался, и чувство уверенности в том, что это будет так, звучавшее в его словах, передавалось его слушателям, заражало и бодрило рабочих.

Газа не успел увидеть перестроенную Нарвскую заставу. Старая болезнь легких, вызванная ранением в 1920 году, с каждым годом все больше давала себя чувствовать. Газа умер 5 октября 1933 года, когда Нарвская застава по существу только начала сбрасывать веками наслоившуюся грязь ветхих домишек, кривых улочек и тупиков. Но чувство веры в победу великого сталинского плана социалистического переустройства страны, которое Газа передавал массам, сделало его образ одним из самых светлых образов в ряду пролетарских бойцов, рожденных Нарвской заставой и воспитанных героической партией Ленина—Сталина.

Рабочие увековечили имя Газа. Его именем названы Петергофский проспект, Шелков переулок и клуб рабочих Кировского завода.

* * *

На площади Жертв Революции в Ленинграде, там, где покоятся останки многих героев, погибших за дело коммунизма, похоронен рабочий-путиловец Иван Иванович Газа.

Иван Газа был ярким представителем того поколения революционных рабочих, которое было воспитано партией большевиков в период революционного подъема 1912—1914 годов.

«Этот слой рабочих в годы империалистической войны остался верен знамени интернационализма и пролетарской революции. Он же составлял потом ядро большевистской партии в дни Октябрьской революции в 1917 году». [1]

Из этого слоя вышли впоследствии героические комиссары Красной армии, строители Советского государства, партийные работники, хозяйственники, техники, ученые.

Иван Газа прожил свою недолгую тридцатидевятилетнюю жизнь как верный сын рабочего класса, горестями которого он печалился, радостями которого радовался, мужество которого проявил в борьбе против самодержавия и капиталистов, на фронтах гражданской войны и в борьбе против всяческих врагов народа.

Газа отдал всю свою жизнь на служение своему классу — яркую и светлую жизнь сына народа, мужественного комиссара, стойкого бойца великой партии Ленина—Сталина.

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 153.

1 р. 50 к.